

№163 2021 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

«30 октября» опросила членов «Мемориала» о том, как на местном уровне люди работают в новых условиях и что думают о современной ситуации? Спикеры отметили, что в условиях непрекращающейся пандемии и вынужденного ограничения личного общения обнаружились новые форматы и формы работы. Большинство опрошенных говорили не только о мемориальной жизни, но и о положении в стране. Правозащитники отметили конфликт российской власти со своими согражданами, называя его основной причиной усиливающуюся тоталитарную политику страны.

ГАЛИНА ШКОЛЬНИК,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

« По поводу новых законов согласно с Александром Юльевичем Даниэлем: «...это попытка вернуть тоталитарное единомыслие в страну» — будем делать все, что от нас зависит, чтобы эта попытка не удалась. »

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВА,
ГОРНО-АЛТАЙСК

« Усталость, утрата смысла, страх перед возможностью потери управления, наверное, это лежит в основе репрессивных законов. В провинции подкаток попадают глухо и незаметно, наверное... »

ИГОРЬ САЖИН,
СЫКТЫВКАР

« Мне думается, что после выборов произойдет ужесточение ситуации. Власти будут удерживать достигнутый результат по парализации гражданского общества и политической оппозиции. Им это выгодно, чтобы гражданское общество затихло, а оппозиция оставалась на уровне «ручной». »

Окончание на с. 2

МАРАФОНЕЦ

9 августа 2021 года умер Сергей Адамович Ковалев — правозащитник, общественный деятель, один из основателей общества «Мемориал», председатель Российского Мемориала, член Правления Международного Мемориала*.

Наш старший товарищ, учитель, коллега. Неутомимо споривший и с нами, и с оппонентами, и с судьбой. Ученый, исследователь, во всем искавший систему. Боровшийся с системой, порою побеждая, но и в поражении, и в отчаянии не унывавший. Человек энциклопедических знаний и жизни возрожденческого размаха — теперь об этом можно сказать, не боясь получить от него уничтожающую реплику. Сергея Адамовича, на самом деле, хватило на несколько полноценных жизней.

Ученый биолог. Со школы — в КЮБЗе, Клубе юных биологов зоо-

парка. Биофак в не самые веселые для биологии годы «лысенковщины». Когда умер Сталин и всех сгоняли на траурные мероприятия, Ковалев как раз вел куда-то собаку из вивария¹ и на призывы «почтить память» как-то на автомате ответил: «Но ведь живой пес важнее мертвого льва!» Ну да, живые для него всегда были важнее... Научное тут всегда было рядом с «общественным», и, когда в начале 1960-х лысенковцы вновь подняли голову, ученым пришлось заколачивать последний гвоздь в крышку гроба. «Гвоздем» стала опубликованная в «Известиях» статья за подписью нобелевского лауреата, акаде-

мика Николая Семенова. Писали статью Сергей Ковалев и его еще КЮБзовский друг Левон Чайлахян. Но это «общественное» было лишь продолжением собственно научной работы. Ковалев защитил диссертацию

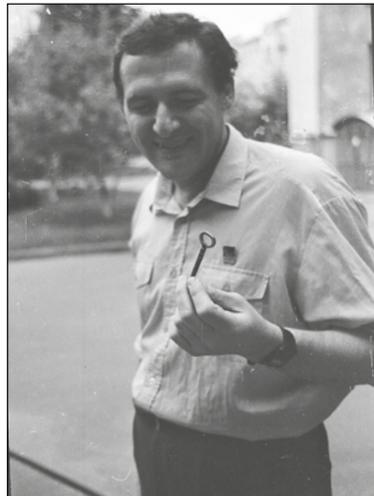
* Международный Мемориал и ПЦ «Мемориал» признаны властями иностранными агентами, но оспаривают этот статус в установленном законом порядке.

Окончание на с. 4

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ 19-30 АВГУСТА 1991 ГОДА В ХАРЬКОВЕ

В понедельник, 19 августа, у меня был первый день отпуска. Накануне я копался в огороде, готовился выкапывать картошку. 19 августа мне нужно было подбежать на работу — на Харьковский электромеханический завод — согласовать новое штатное расписание бюро САПР, которым я руководил, и все, можно отдыхать.

У меня с детства идиосинкразия ко всем средствам массовой информации, поэтому на даче нет ни телевизора, ни радио. О путче я узнал только часов в 11, когда приехали жена, сын и мать. Первым прибежал Боря с криком: «Государственный переворот!» Я решил, что он меня разыгрывает. Но тут подоспели жена и мать с круглыми глазами, и я понял, что это не розыгрыш.

Хорошо помню первое чувство: безмерное удивление. Как они могли решиться? Это же совершенно противоестественно, сущий идиотизм! Второе чувство: ничего у них не выйдет, сорвется! Делюсь этим со своими.

— Ну, ты всегда был клиническим оптимистом! — отвечают.

Подумал о самых близких друзьях в Москве — Ларисе Богораз, Сане Даниэле, Пашке Марченко... Где они сейчас, что там происходит?..

Мама с сыном остаются на даче пасти нашу собаку, которая опять родила кучу щенят (в прошлый раз ее угораздило родить накануне выборов в украинский парла-

Продолжение на с. 5, 11

АГЕНТЫ ЛЮДЕЙ

«ОВД-Инфо»* запустил петицию на платформе Change.org с требованием прекратить дискриминационную практику российских властей и получил огромную волну поддержки — за первые сутки 75 000 человек и 193 организации подписали петицию против законов об «иноагентах». Инициаторы петиции уверены, что «законы об иностранных агентах — всего лишь способ давления на независимые СМИ и НКО». По состоянию на 30 сентября, петицию подписали более 151 тысяч человек и более 200 организаций.

Ранее, 1 сентября, члены журналистского объединения «Синдикат-100» выступили с обращением к Владимиру Путину, потребовав внести поправки в законодательство об «иностранных агентах». Пакет предлагаемых поправок направлен на обеспечение полного выполнения закона «О средствах массовой информации», прозрачности процедуры внесения в списки «СМИ-иноагентов», определение точного порядка выхода из этого статуса, обеспечение равенства СМИ перед законом, а также на защиту наиболее уязвимых категорий «иноагентов» — физических лиц, получающих этот статус за профессиональную деятельность в СМИ. Полный текст предлагаемых поправок можно прочитать в интернет-издании «Кавказский узел» kavkaz-uzel.eu/articles/367618/.

С начала 2021 года Минюст России внес в реестр так называемых иностранных агентов 6 СМИ, 20 журналистов и 7 НКО. Эти организации и люди пополнили список из 221 «иноагента», принудительно внесенного российскими властями в соответствующие реестры в 2013-2020 годах. Мы оцениваем происходящее как акт государственного давления на СМИ и общественные организации. И само законодательство, и сложившаяся правоприменительная практика направлены на ослабление институтов гражданского общества.

Законодательство об «иноагентах» — откровенно дискриминационное и неправомерное: оно противоречит Конституции России и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Мы видим, к чему в реальности приводит попадание в реестр «иноагентов».

Многие организации вынуждены прекратить работу и ликвидироваться. Остальные находятся под постоянным риском проверок и принудительной ликвидации. Правила постоянно ужесточаются

и сформулированы так, что полностью соответствовать им в принципе невозможно.

Над иноагентами постоянно висит дамоклов меч уголовной ответственности — от штрафов до лишения свободы до 5 лет.

Малейшие нарушения правил (будь то требования к отчетности, которые не могут однозначно истолковать даже специалисты Минюста, или к маркировке материалов) приводят к многомиллионным штрафам и банкротству организаций.

СМИ теряют рекламодателей и источники информации.

На деятельность НКО накладывается все больше ограничений:

Дорогие читатели!
Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2021 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

100-летие Сергея Щеглова с. 3

Скандал вокруг базы данных с. 6

Казахстан восстанавливает историю с. 7

Четыре истории из Беларуси с. 8

Из истории фальсификаций выборов с. 9

Что может связывать чеченское селение Аллерой и чешскую деревню Вшень с. 9

* власти считают иностранным агентом

Окончание на с. 3

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

**ГАЛИНА ШКОЛЬНИК,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Пандемия не помешала Санкт-Петербуржскому «Мемориалу» в июле 2021 года завершить работу по проекту «Второе дыхание...». Летом 2020 года проект прошел по конкурсу заявок программы «Место встречи: диалог», который ежегодно проводится Благотворительным фондом «КАФ» при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее».

В нашем проекте, направленном на поддержку пожилых людей — жертв политических репрессий и жителей блокадного Ленинграда, было заложено несколько направлений: лекции по искусству; вечера воспоминаний; консультации и занятия с психологом; прогулки; создание фотоальбомов по истории семьи.

Невероятно трудным и мучительным был процесс написания заявки на фоне обрушившейся пандемии в марте-апреле 2020 года, когда было совершенно непонятно, что и как будет осенью, и всякое планирование выглядело абсолютно нереальным — ужасное ощущение безысходности, растерянность... Описание каждого из направлений заканчивалось не вполне уверенным утверждением: «В случае продолжения пандемии мы переходим в режим онлайн и телефонного общения...».

Но к сентябрю 2020 года, когда немного спала первая волна и все смогли чуть-чуть расслабиться, мы рискнули приступить к работе. Существенно помогло то, что в проекте была заложена возможность заказа такси для его участников, в первую очередь, разумеется, для тех, кому трудно ходить. Невероятно нужной и более чем своевременной оказалась идея занятий с психологом. Когда возникла возможность, мы проводили занятия с психологом в помещении «Мемориала». Занятия проводились с соблюдением всех требуемых правил, для групп из нескольких человек, имеющих возможность безопасно добраться до «Мемориала». Темы занятий были разнообразны, но все помогали обрести уверенность в собственных силах.

В периоды спада эпидемии нам удавалось проводить встречи (ограниченными по численности группами, с соблюдением всех санитарно-эпидемиологических предписаний). И все же для многих наши мероприятия оставались недоступными, и, утратив возможность собираться, мы постарались сохранить дух нашего прежнего общения. С этой целью мы стали записывать на видео лекции по искусству, авторское чтение стихов нашими поэтами. А видеозаписи пересылали по электронной почте тем, кто не мог участвовать сам (для большинства пожилых участников пользование зумом¹ оказалось неподъемной сложной задачей).

Очень осторожно мы попробовали проводить прогулки — также небольшими группами в несколько человек, живущих неподалеку друг от друга. Обычно кто-то из волонтеров или участников готовил небольшой рассказ об истории мест наших прогулок. Эти прогулки, по отзывам участников, просто спасали от одиночества и оставляли массу положительных эмоций.

«Изыюмкой» стала инициированная проектом акция «Тайный друг». Ее смысл заключался в обмене рукотворными подарками с другими организациями в различных

регионах России. Идея замечательная, ведь так приятно придумывать и готовить подарки незнакомым, но близким по духу людям. В результате были собраны красивые вещи, сделанные руками «мемориальцев».

Но, наверное, самая главная часть проекта — это создание семейных фотоальбомов для его участников. Сохранение исторической памяти важно не только для самих авторов, испытывающих множество эмоций при подборе фотографий и составлении вступительного текста. В альбомах прослеживаются жизнь нескольких поколений семей с разными судьбами, истории людей, чья жизнь трагически оборвалась, и тех, кто пережили, выстояли и сумели преодолеть многочисленные трудности, реализовать свой творческий потенциал. Были подготовлены и напечатаны три фотоальбома, продолжается работа над еще несколькими.

По заявлению «Мемориала» Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга ежегодно выделяет льготу на аренду помещения и субсидии на оплату ЖКУ.

По поводу новых российских законов согласна с Александром Юльевичем Даниловым: «Это попытка вернуть тотальное единообразие в страну» («30 октября», № 162). Будем делать все, что от нас зависит, чтобы эта попытка не удалась.

**ТАТЬЯНА ДАНИЛОВА,
ГОРНО-АЛТАЙСК**

Как известно, разруха в стране начинается с разрухи в головах. Именно так можно назвать наименование «иностранным агентом» историко-просветительской организации «Мемориал». Возможно, чиновники, придумавшие такой трюк, чтобы помешать работе по восстановлению исторической памяти страны, мыслят ясно, но намеренно разрушают сознание людей, подавляя их, вызывая недоверие и раздражение (к власти в первую очередь).

К страху, который нагнетается в обществе, прибавилась еще и эпидемия коронавируса, ограниченность общения в связи с ней. К сожалению, люди мало обращаются к нам, несмотря на то, что мы призывали их к этому, публикуя свои материалы в местных СМИ. На фоне современных проблем интерес к теме репрессий заметно угас или скрыт.

Этим летом у нас облагородили место у подножия горы Тугая, откуда вытекает родник (одна из достопримечательностей нашего города). Искореженные черные асфальтовые бульвары сменились белыми, выложенными плиткой (нам ругать ее не приходится: стало светлее и чище).

Набирая воду из родника, я как-то разговорилась с одним из рабочих, выкладывающим плитку, студентом исторического факультета из Барнаула, о захоронении в районе Тугая. Ко мне подошел пожилой человек, пенсионер, и упрекнул: «Что вы все говорите о репрессиях 1930-х годов, когда сейчас пенсионеры вымирают?» Да, доход у пенсионеров ничтожный, ситуация действительно унизительная. В этой ситуации еще и политические репрессии по стране не радуют. Глядя вслед этому человеку, я думала: как это связано? И что ему можно ответить?

А это связано. Отношение к человеку мало изменилось. Человек и его жизнь по-прежнему мало зна-

чат. Разница в доходах чудовишна. В провинции мало свободных СМИ, а те, кто позволяет себе критическое отношение к происходящему, штрафуются. Набережная светится безликой, но жизнь как-то мало ощущается в городе. Может быть, еще и потому, что на остановках висят объявления о наборе резервистов. Как будто пахнет войной.

О памятнике на месте расстрелов в овраге Тугая я говорила неоднократно на общественных слушаниях, писала письма, но из городской администрации вежливо ответили, что нужны веские доказательства. В «Звезде Алтая»² недавно печатался материал о найденных многочисленных человеческих останках при строительстве трамплина в 1960-е годы. Достаточное ли это доказательство? Есть ли юридические документы об этом? Лично я обращалась за помощью к Госсобранию. Но они обошли своим вниманием вопрос о захоронениях. По поводу захоронения жертв репрессий в селе Кызыл-Озек (Майминский район, рядом с городом), где за четыре предновогодних дня 1937 года были расстреляны 230 человек, ответили, что земля, где находится захоронение, теперь принадлежит частному собственнику. Но я думаю, что попытки поставить памятные знаки надо продолжать.

А вот более приятная новость — удалось издать следующий ежегодник «30 октября». Но финансовые проблемы очень затрудняют наши издательские дела. Предприниматели не откликаются, ссылаются на правительство. Планируем сделать выпуск альманаха, посвященный Нине Владимировне Суразаковой, недавно ушедшей. В 1990-е годы она активно занималась работой в обществе репрессированных. Помогала в организации материальной помощи. Много писала воспоминаний. Выпустила первую книгу «Возвращенные имена и события» (позже автор сама смеялась над случайной логической ошибкой в названии — «возвращенные события»). Кто-то из редакторов просмотрел. «Не дай Бог вернуть», — говорила она.

Хочу остановиться на книге более подробно. Первый раздел включает материалы конференции, второй — документы и воспоминания. В книгу вошли приветствия представителей власти, в которых звучала правильная оценка событий прошлого века.

В своем выступлении на конференции заместитель главы республики Алтай Юрий Васильевич Антарадонов подчеркивал, что необходимо поставить памятники на всех местах массовых расстрелов. Но, к сожалению, поставлен был памятник только в одном месте, в районе Гардинки. Сейчас власти считают, что раз есть один памятник, то этого достаточно.

Университет также отказывается работать в этом направлении. Не проводятся конкурсы на сочинения по теме репрессий. От декана филфака я узнала, что в этом году по этой теме не было ни одного исследования. Кандидат исторических наук, преподающая в университете, несет какую-то чушь про Солженицына, произведение которого, по ее мнению, писали в ЦРУ. Разруха в головах объяла бедные головы местной научной общественности...

Но со стороны законодательной власти прозвучало хорошее предложение — отремонтировать лавку репрессированного купца Тобокова (небольшое здание в старом центре города, где в советские времена был магазин «Электротовары») и отдать «Мемориалу» на время его деятельности. Это предложение надо продвигать через правительство. Может быть, город сумеет поддержать программу по восстановлению купеческих домов в историческом районе города. Помещение было бы целесообразно выделить в связи с приближающимся 30-летним юбилеем нашей республиканской организации.

Многие мои знакомые думают, что в современных законах об

исторической памяти мало здравого смысла. Как писал Н.К.Рерих, разве можно убить мысль? Научное историческое мышление должно помогать развитию экономики, утверждению частной собственности, а значит, должно быть выгодно современной власти.

Усталость, утрата смысла, страх перед возможностью потери власти — наверное, это лежит в основе репрессивных законов. В провинции под каток попадают глухо и незаметно. Так, неоднократно штрафовали С.С.Михайлова, редактора газеты «Листок», за его политические высказывания.

Заканчивается год Германии в России, и я планирую с Немецким центром провести лекцию-концерт «Марина Цветаева и Германия» в некоторых школах города и районов. Мне нужна помощь на подготовку сценария и дорожные расходы. Кроме того, не знаю, сумею ли я найти средства на выпуск альманаха к 30 октября. Давно планировала подготовить методические рекомендации и разработки уроков по лагерной прозе для школы.

**ОЛЬГА КОРЯКИНА,
СОСНОГОРСК**

В принципе, у нас ничего не изменилось и новостей никаких нет. Наш Сквер памяти жертв политических репрессий находится больше года в стадии ремонта. Его на реконструкцию выбрали сами жители в рамках федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». Отношения с администрацией МР «Сосногорск» хорошие. Представители администрации всегда присутствуют на наших мероприятиях.

**ИГОРЬ САЖИН,
СЫКТЫВКАР**

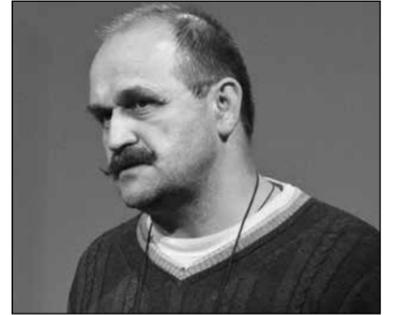
Коми «Мемориал» в пандемию стал больше работать в Интернете. У нас несколько страниц с разными проектами, по которым мы работаем до сих пор. Главным образом, это три интернет-проекта: «Пешком по Усть-Сысольску»; «Коми «Мемориал»; «Спецпоселок Ичет-Ди».

Несмотря на пандемию, мы продолжали проводить экскурсии в рамках акции «Пешком по Усть-Сысольску», в том числе по местам репрессий. Весь 2020 год проводили акцию: каждое 30-е число (в феврале — 28-го) выставляли портреты репрессированных священников, погибших в лагерях или умерших после лагерей Коми в соответствующий месяц. Каждое 30-е число в течение 2021 года выставляли портреты репрессированных деятелей культуры, погибших или умерших после лагерей Коми.

В 2020 году удалось широко распространить изданный в предыдущем году календарь «Новомученники и исповедники церкви Русской, в земле Коми пострадавшие». До пандемии кормили бездомных. Обработали архив Р.И.Пименова. В 2021 году получили архивы трех «мемориальцев» (Аси Модяновой, Михаила Рогачева и Николая Морозова), теперь обрабатываем их и переводим в цифровой формат. Такую же работу проводим с архивом сыктывкарского «Мемориала» и Коми «Мемориала».

В 2020 и 2021 годах работал проект «Письма XX века». Жители Сыктывкара нам передали 5 комплектов писем, написанных в XX

веке. Самыми ценными стали около 200 писем военного врача с фронта. Письма после сканирования либо возвращались назад родственникам, либо передавались в Национальный музей Республики Коми.

Работала наша общественная приемная. Занимались в основном проблемами ЖКХ, соцучреждений, полиции, тюрем, сирот. Проводили публичные лекции в Револют-центре на разные темы.

Увы, в 2020 и 2021 годах мы понесли большие потери среди активных членов «Мемориала». Умерли М.Б.Рогачев, В.А.Семенов, А.А.Смилингис и А.Г.Модянова.

Власти нас стараются не замечать. Мы стараемся тоже не замечать власть. Нашим проектам власть не сопротивляется, но и не поддерживает их. Например, при публикациях о нашем проекте «Пешком по Усть-Сысольску» СМИ, подконтрольные власти, не упоминали, что это проекты «Мемориала», и даже не называли фамилии экскурсоводов. 5 марта 2020 года в Сыктывкаре проходило заседание федеральной комиссии по увековечению памяти репрессированных, где были представители власти и два члена Коми «Мемориала», но им слова не дали, всю информацию за них сообщала уполномоченная по правам человека в Республике Коми. У нас нет необходимости в помещении, потому что нас поддерживают местные бизнесмены.

СМИ себя берегут и потому вставляют строку об иностранном агенте в любом случае упоминания о «Мемориале». Когда наши оппоненты пытаются подвести идеологическую основу под рост репрессий, то указывают на «информационную войну» и необходимость сопротивляться информационной атаке некоего противника, называемого ими «западом». Под каток репрессий попали некоторые молодые люди, волонтеры разных общественных организаций, которые участвовали в публичных акциях. В основном выписывали всем штрафы.

Мне думается, что после выборов произойдет ухудшение ситуации. Власти будут удерживать достигнутый результат, парализуя гражданское общество и политическую оппозицию. Им выгодно, чтобы гражданское общество затихло, а оппозиция осталась на уровне «ручной». Мне думается, что общество постепенно приучается жить без власти и отработывает технологию тихого сопротивления путем выхолащивания законов, которыми люди недовольны. О политической поддержке власти или оппозиции мне говорить сложно, для этого надо быть включенным в политическое поле более активно. Скорее, экономическое недовольство усиливается и, в том числе, на уровне среднего и малого бизнеса. Но как далеко этому экономическому недовольству до политического — я судить, пожалуй, не смогу.

Светлана КРАВЧЕНКО,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

1. Платформа Zoom используется для проведения онлайн-конференций, в том числе в школах, для дистанционного обучения. Широкое распространение платформа получила с началом карантина и продолжает широко использоваться для онлайн-связи по всему миру.

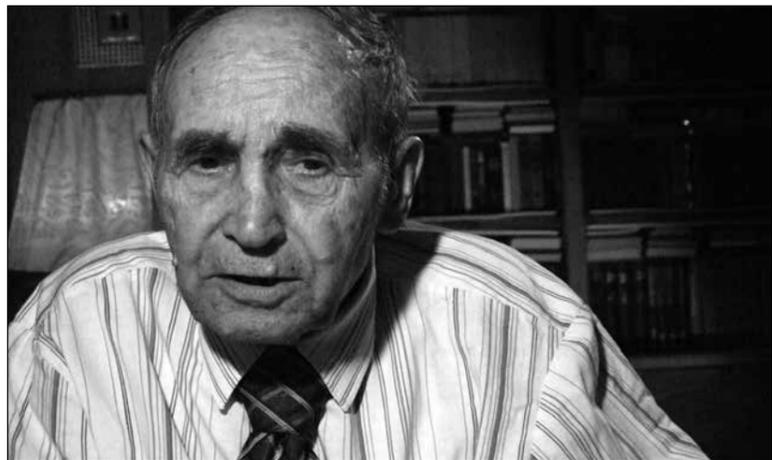
2. Официальная газета правительства и Государственного собрания Республики Алтай.

Фото Галины Школьник, Татьяны Даниловой, Ольги Корякиной и Игоря Сажина предоставлены спикерами из личных архивов.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

19 сентября исполнилось бы 100 лет Сергею Львовичу Щеглову — основателю и многолетнему руководителю Тульского «Мемориала». К юбилею писателя, историка и политзэка ста-

сивного спектакля «Дело Филиппа Загурского» в глумлении над памятью жертв репрессий. «Мемориальцы» поддерживают создателей спектакля в их стремлении помочь современникам осмыслить весь ужас советского тоталитарного прошлого. Перенос

линских лагерей Тульское отделение «Мемориала» выпустило книгу. 22 сентября в честь юбилея прошла конференция, на которой обсудили историю массовых политических репрессий в Тульском крае и СССР в целом, человеческие судьбы в условиях тоталитарного режима, повседневность и общественное сознание в переломных событиях XX века, проблемы преодоления травматического прошлого, литературное и философское наследие Сергея Щеглова (литературный псевдоним — Норильский). Также активисты Тульского «Мемориала» пытаются договориться с администрацией города Тулы, чтобы разместить мемориальную доску на доме, где уже много лет расположен офис организации.

В начале сентября Международный Мемориал принял участие в девятом Международном яблочко-книжном фестивале «Антоновские яблоки» в Коломне. На стенде книжного автобуса «Бампер» в сквере имени Зайцева можно было найти и бестселлеры — книги по материалам архива Международного Мемориала «Папины письма», «Право переписки», «Знак не сотрется», настольную игру по советской истории «74», и новинки — каталоги выставок «Азбука цензуры» и «Последний год. Сахаров и «Мемориал», а также многое другое.

Екатеринбургский «Мемориал» выступил с заявлением о ситуации вокруг 12-го километра Московского тракта, где расположено место массового захоронения расстрелянных в годы Большого террора.

В заявлении говорится, что территория бывшего полигона НКВД, на части которой располагается Музейно-мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий 1930-1950-х годов, все чаще привлекает к себе внимание общественности.

На Мемориале 12-го километра, в непосредственной близости от захоронений, сторож обустроил огород. А 21 августа был проведен велопробег. Эти факты не вызвали беспокойства у городских и областных властей.

Екатеринбургский «Мемориал» решительно выступает против попытки обвинить создателей иммер-

спектакля из Мемориала 12-го километра в любое другое место лишает его всякого смысла. «Мемориал» сожалеет, что инициаторами травли авторов спектакля выступают члены Ассоциации жертв политических репрессий — те, кому следовало бы отделять зерна от плевел.

В 2019 году проблемы развития Мемориала 12-го километра было поручено разрешить комиссии Свердловской области по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий во главе с вице-губернатором С.Ю.Бидонько. На заседании комиссии были приняты решения о выделении средств на полное обследование территории полигона НКВД и придание ей особого охранного статуса. Но эти решения не выполнены до сих пор.

В течение двух лет С.Ю.Бидонько избегает встречи с членами возглавляемой им комиссии, не желая отвечать на их вопросы. Екатеринбургский «Мемориал» обращается к тем, кому дорога память о жертвах государственного террора: «Будем и дальше молчать, ограничиваясь выяснением отношений между собой, или потребуем ответа за бездействие чиновников, отвечающих за реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, принятой 15 августа 2015 года?»

В разделе «Электронные публикации» на сайте Библиотеки Международного Мемориала размещен составленный Юрием Дмитриевым «Отчет о поисково-исследовательских работах по выявлению мест захоронений заключенных Соловецкого лагеря и тюрьмы на территории Большого Соловецкого острова, выполненных в 2006 году, с приложением материалов экспедиции 2005 года». В основе отчета — материалы экспедиции, осуществленной летом 2006 года по договору с Соловецким государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. Экспедиция проходила на территории Большого Соловецкого острова в два этапа: первый — работа на горе Секирная, в Ботаническом саду, на бывшей лагерной командировке «Куликово болото»; второй — работа на горе Секирная, в поселке, в Исакове. Описание работ выполне-

но на основе расшифровки записей полевого дневника экспедиции с использованием таблиц, актов и схем и состоит из нескольких разделов.

8 сентября в Международном Мемориале открылась выставка графики Кати Гушиной «Андрей Сахаров — академик совести».

Художница и картограф Катя Гушина работает с путеводителями, комиксами, графическими романами, иллюстрирует экспедиции. Она родилась в Нижнем Новгороде, а в 2021 году защитила во ВШЭ магистерскую работу — графический роман про Андрея Сахарова, выполненный в технике сухой иглы; именно эта работа и представлена на выставке. Выставка работает до конца ноября и открыта для свободного посещения.

30 августа возле Часовни-мемориала жертв политических репрессий в Сыктывкаре состоялась восьмая акция памяти, посвященная деятелям культуры, невинно пострадавшим в годы коммунистического террора. На этот раз героями акции стали те, кто ушел из жизни в сентябре.

Среди них журналист и геолог Иван Попов, бывший также главным редактором журнала «Коми му» и сотрудником Коми областного музея. Был арестован по ложному доносу, срок отбывал в Воркутлаге. В 1957 году реабилитирован. Коми поэта Павла Шеболкина, как и многих его коллег, обвинили в «буржуазном национализме». Он отсидел пять лет, потом воевал, имел награды, которые, однако, не спасли его от повторных арестов. Реабилитирован в 1956 году. А староверка Степанида Коровина переписывала церковные книги так, что их сочли печатными. Ее арестовали в пасхальную ночь с 11 на 12 апреля 1936 года. Большинство ее книг сожгли. И, наконец, художник Владимир Солянов. Утонченный пейзажист, как его называли коллеги, дважды отбывал наказание за «антисоветскую деятельность» в северных лагерях — в 1930-е и 1950-е годы. После реабилитации приехал в поселок Вой-Вож Ухтинского района Коми АССР и обратил на себя внимание на республиканской выставке. Большую часть жизни прожил в Саратове, где и скончался на 90-м году жизни.

31 августа вышло постановление ЕСПЧ по делу об убийстве Натальи Эстемировой. Европейский суд не нашел доказательств причастности российских властей к убийству правозащитницы. Однако суд признал

расследование властей неэффективным. ЕСПЧ обязал Россию выплатить родственникам Эстемировой компенсацию. Телеканал «Дождь», который власти РФ считают иностранным агентом, 31 августа провёл «Круглый стол», посвященный решению ЕСПЧ по делу об убийстве Натальи Эстемировой.

Олег Орлов, руководитель программы «Горячие Точки» ПЦ «Мемориал», который власти также считают иностранным агентом, отметил, что основная претензия к суду состоит в том, что признано лишь нарушение 38-й статьи Европейской конвенции, в то время как ЕСПЧ отказался признать непосредственную вину Российской Федерации в убийстве Эстемировой. Суд признал лишь процессуальные нарушения и констатировал отказ РФ предоставить ряд материалов о расследовании уголов-

проходила по маршруту, связанному с топографией террора Перми, — мимо здания бывшей тюрьмы НКВД № 1, Тюремного сада, «Дома чекистов». Все события, персонажи, фамилии в спектакле реальны, информация достоверна — это особенно впечатляет и потрясает. Каждому участнику выдаются наушники, через которые слышны голоса прошлого.

Благотворительные показы проводятся при поддержке Пермского краевого отделения общества «Мемориал» и в рамках проекта-победителя конкурса «Город — это мы».

5 августа, в годовщину начала «кулацкой операции» НКВД, в урочище Сандармох под Медвежьегорском состоялась ежегодная мемориальная акция. Сандармох — полигон смерти, обнаруженный в 1997 году под Медвежьегорском, — в последнее время стал важным символом не только как место расстрелов, но и как место памяти, сопротивляющейся намеренному забвению. Это люди 56 национальностей, родившиеся в разных частях света, и память о них не может быть ограничена только местом их смерти. Чтение имен Сандармоха уже в третий раз прошло в Москве, второй год подряд к нему могли присоединиться все желающие в любой точке мира, записав видео с чтением имен и прислав запись в «Мемориал».

Непосредственно в Сандармохе съехались люди из разных городов для того, чтобы прочесть имена захороненных здесь жертв Большого террора, принести цветы к памятникам, выразить поддержку Юрию Дмитриеву — одному из открывателей захоронения в Сандармохе.

Среди приехавших в Сандармох были представители консульств Польши, Эстонии, Нидерландов, Германии, Чехии, Израиля, Норвегии, Литвы. Приезжала и полиция: вспомнить жертв Большого террора или поддержать Юрия Дмитриева — неизвестно. Был также замечен интерес со стороны федеральных телеканалов...

В конце июля вышел второй выпуск подкаста Международного Мемориала «Осколки» — о том, когда в Москве появились места памяти о советском государственном терроре. Подкасты можно слушать на сайте oskolki.memo.ru и на сервисах Google Podcast, Apple Podcast, Yandex Music, Youtube.

В разные годы в Москве возникали очень разные места и устанавливались знаки памяти о репрессиях в СССР. В 1964 году на стене знаменитого Дома на набережной была установлена мемориальная доска памяти Михаила Тухачевского, советского маршала и военного теоретика. На этой доске ни слова не сказано о том, что Тухачевский был расстрелян... А 9 мая 1991 года на жилом доме № 13 по улице Маросейка была открыта мемориальная доска с таким текстом: «Всем, кто жил в этом доме, ушел и не вернулся». И даты: «1937-1952» и «1941-1945». Многие жители этого дома погибли от репрессий или не вернулись с войны, но их дворовым друзьям юности пришлось ждать 40 лет, чтобы установить мемориальную доску.

На снимках: Сергей Щеглов у себя дома. 2012 год. Фото Андрея Костянова

Один из рисунков Кати Гушиной

АГЕНТЫ ЛЮДЕЙ

➤ Окончание. Начало на с. 1

это неприкрытое издевательство над людьми и их человеческим достоинством.

В результате ущемляются права всех граждан России. У них сокра-

щается доступ к независимым источникам информации. Все слабее становятся организации, которые помогают людям в беде.

Девять лет, с момента принятия первой версии законода-

тельства об «иноагентах» в июне 2012 года, мы слышим постоянные обещания властей присмотреться к этому законодательству и скорректировать правоприменение. Вместо этого законодательство только ужесточается и распространяется. Теперь оно распространяется не только на некоммерческие организации, но и на СМИ; требует не только отчетности и

маркировки, но и вводит прямые запреты. Наконец, это законодательство касается не только организаций, но и обычных людей. «Иноагентом» сегодня может стать кто угодно.

Судя по всему, помимо гражданских организаций и СМИ, список «иноагентов» будет пополняться просветителями, благотворителями, культурными институ-

циями. Иначе говоря, теми инициативами, которые опираются в своей работе на общество, а не на власть.

Мы не питаем пустых иллюзий, но понимаем: бывают времена и ситуации, когда надо быть настоящими реалистами и требовать невозможного. Законодательство об «иноагентах» должно быть полностью отменено.

➤ Окончание. Начало на с. 1

МАРАФОНЕЦ

ты. И менялась реакция людей на эти ответы — от «Не может быть!» через «В этом что-то есть...» к «Ну кто же этого не знает?»

Весной 1988 года Сергей Адамович, его друзья и соратники познакомились с «мемориальцами». В 1989 году «Мемориал» выдвигал Андрея Дмитриевича Сахарова в народные депутаты СССР, а в 1990-м Сергея Адамовича Ковалева — в народные депутаты России. В Верховном Совете Сергей Адамович руководил Комитетом по правам человека, и «Мемориал» его поддерживал в этой работе. Депутатами тогда стали многие бывшие диссиденты и многие «мемориальцы». Что-то удалось поменять — например, в пенитенциарной системе, которую Ковалев опробовал на своей шкуре. Но...

Но на поверку новое время лишь означало, что массовые и грубые нарушения прав человека не исчезли, а изменились: вместо политических репрессий — этнические и социальные конфликты. Сначала на периферии распадавшегося Союза, потом и в России — Пригородный район в 1992-м, Москва в 1993-м, с 1994-го — Чечня.

В Чечне «группа Ковалева» работала с декабря 1994-го. Попытки наладить переговоры. Репортажи из города, где под бомбежками гибли мирные жители. Первые списки пленных, которых генералы предпочитали забыть. Сообщения о фильтрационных лагерях и зачистках. Спасенные чьи-то человеческие жизни. И невозможность что-то изменить по большому счету. И так полгода, до Буденновска, до больницы с полутора тысячами заложников, захваченных террористами Шамиля Басаева. Тут, после провала безумного штурма больницы спецназом, «группа Ковалева» сумела войти в переговоры и в итоге добиться освобождения полтора тысяч заложников в обмен на полтора заложников добровольных, ставших «живым щитом» для террористов, которым дали коридор для выезда в Чечню. Члены «группы Ковалева» — депутаты Боршев, Молоствов, Рыбаков, Курочкин, Осовцов, «мемориалец» Орлов и другие — также стали добровольными заложниками. А в Грозном начались мирные переговоры под эгидой ОБСЕ. На полгода наступил какой-никакой, но мир. Только вот трое суток сорокаградусной жары в раскаленном автомобиле были лишними для сердца Сергея Адамовича...

За это он был удостоен высшей государственной награды. Но

не России, а Франции: в формуле награждения орденом Почетного Легиона описан подвиг Сергея Ковалева в Буденновске. От государства российской и советского единственной наградой оставался тот лагерный срок.

«Группа Ковалева», она же «наблюдательная миссия правозащитных организаций», прежде всего мемориальных, продолжала работать на Кавказе. Но такого «настоящего макроскопического воздействия» больше не было. Такое ощущение, что маятник истории взял обратный ход.

Международный Мемориал

Если кто-то возьмется подводить итоги...

Ученый, чья, возможно, блестящая карьера прервалась на взлете. Правозащитник и редактор, отправленный на десять лет подальше от общества, пера и бумаги. Политик, депутат, общественный деятель, оказавшийся на обочине.

Вряд ли такого человека назовут успешным — но все дело в том, что считать успехом.

Идеалист, признававший лишь прагматику политического идеализма. Человек свободной мысли, претворявший эту мысль в действие. Никогда не отрекавшийся от товарищей и от убеждений. Марафонец, пробежавший свою часть дистанции и передавший эстафету.

На поминках Ковалев всегда говорил: «О мертвых — как о живых!» — и пил, чокаясь. Сергей Адамович остается с нами.

*Александр ЧЕРКАСОВ,
председатель Совета Правозащитного
центра «Мемориал», член Правления
Международного Мемориала*

*13 августа в Сахаровском центре
прошла церемония прощания с Сергеем
Ковалевым, на которой побывал кор-
респондент «30 октября».*

К 12:00 в Сахарницу съехались коллеги, друзья, соратники Ковалева, многочисленные журналисты. Пришедшие делились на небольшие группы, общались, вспоминали перипетии жизненного пути Ковалева, — явно дискутировали об остроумии Ковалева.

Церемонию вел директор Сахаровского центра Сергей Лукашевский. Первым слово взял сын Сергея Ковалева, правозащитник Иван. «Сергей был мне большим другом... Мне бы хотелось вспомнить какую-нибудь веселую историю. Например: мы сидели в ссылке с женой Таней и отец приехал нас навестить. Пришла и посылка — в

ней ликер Амаретто. Отец со свойственной ему дотошностью стал изучать этикетку. На ней была написана история о том, как молодая вдова сочинила рецепт ликера в подарок возлюбленному. Надо сказать, что Амаретто — своеобразный напиток, с запахом цианистого калия. Этикетка была на английском, соответственно слово подарок было написано как «gift». Но мы с отцом изучали немецкий. А на немецком «gift» — это яд. Мы были озадачены, но все выпили. Остались живы», — рассказал Иван Ковалев.

Микрофон перешел к председателю правления Сахаровского центра Вячеславу Бахмину. Символичным показалась ему то, что прощание проходит в пятницу, 13-го. «Для многих Ковалев был и остается примером интеллектуальной честности, храбрости. И вся его жизнь тому подтверждение. Ковалев — историческая фигура, но не только мы будем его вспоминать и помнить, но и вся страна. Правда, сегодня не то время, когда такие люди, как Ковалев, вспоминаются, особенно властями, но Ковалев останется в истории как человек несгибаемый, проживший богатую, счастливую жизнь. Я был знаком с Ковалевым более 50 лет. В 90-х годах Ковалев отвечал за права человека в нашей стране, он был главным омбудсменом страны. И было время, что мы в ООН выражали позицию страны в части прав человека. То время — фантастическое. Но оно прошло, хотя, может, и вернется. Тогда можно было заниматься политикой, не кривить душой, следовать совести. Сегодня время другое, такая политика не востребована... Ковалев не раз бывал в этом зале. И теперь он опять здесь», — сказал Бахмин.

Председатель правления Международного Мемориала Ян Рачинский в своей речи отметил, что без участия Ковалева «Мемориала» бы не состоялось, его участие во многом определило характер и принципы общества. Ковалев и в общественной деятельности, и в политике оставался человеком науки и был верен беспристрастности, бесстрашию и бескорыстию, что есть основы работы «Мемориала». «Не менее важно, что Ковалев не относился к тем правозащитникам, которые говорят, что нужно жить сегодняшним днем, а про историю забыть. Сергей Адамович всегда говорил — история и сегодняшний день тесно связаны. Конечно, Ковалев сделал очень многое — например, в Чечне. Может быть, даже важнее, чем эти результаты, процесс — всю жизнь Ковалев подавал пример, без громких слов и нотаций, как сделать правильный выбор. Для нас всегда это был один из ключевых людей в «Мемориале», — сказал Рачинский.

Лев Пономарев, глава движения «За права человека», который много лет дружил и работал с Ковалевым, в своем слове вспомнил, что Ковалев был сильной персоной, со сложным характером, часто спорил, отстаивая свою позицию. Ковалев был крепким мужчиной, занимался боксом и даже стал чемпионом Московской области. В 70 лет Ковалев научился водить автомобиль. Основным вкладом Ковалева в правозащитное движение и политику Пономарев определил как «определение грани, когда нельзя идти на уступки власти».

Виктор Шейнис, политолог, соратник Ковалева, назвал его смерть «утратой для всей России». «Уходит поколение, которое вернулось в Россию, связанное с зарубежом 1980-90-х годов, когда мы думали, что Россия изменится, что все пойдет не так, как было до сих пор. Но события развернулись достаточно печально. Один из самых светлых, дорогих, совестливых людей ушел, ознаменовав тем самым конец поколения. Мы остались без Ковалева. Но в нашем сознании Сергей Адамович жив», — отметил Шейнис.

Геннадий Бурбулис, государственный секретарь и первый заместитель председателя правительства России в 1991-1992 годах, товарищ Ковалева, назвал его «духовным учителем». «Совесть, благородство и

достоинство. Вот оно, святое наше воинство, — начал с цитирования Окуджавы свою речь Бурбулис. — Сергей Адамович был мудрым, мужественным и милосердным, прежде всего потому, что его душа, совесть наполнили ум пониманием законов вселенной, природы, живого мира и личного поведения, личного «я». Он говорил, не стесняясь, что старается оставаться свободным. Он излучал гимн свободы, без пафоса и нравоучения, трепетным общением с нами — представителями разных поколений и мировоззрений».

Валерий Боршев, политик, правозащитник и журналист, член Московской Хельсинкской группы, в своей речи отметил, что жизнь и деятельность Ковалева изменили жизнь целых поколений, разных слоев общества. «Сергей Адамович равновелик Солженицину, Сахарову. Он показал, что можно быть свободным человеком, и это большой урок. Он утвердил в своей жизни новые ценности, например, считалось, что главное — реализоваться в профессиональной деятельности, а если она мешает выбору? Ковалев сделал правильный выбор — он выбрал самоуважение. Успешный ученый оставил свою профессию, за что дорого заплатил — 7 лет лагерей, 3 года ссылки. Но он проложил нам путь, изменив жизнь поколениям. Сергей Адамович был политическим идеалистом. Он написал книгу «Прагматика политического идеализма». Он повлиял на общество, изменив во многом его», — отметил Боршев.

«Я был с ним в Чечне, в Буденновске. Я видел, с каким бесстрашием он защищал людей. Я помню, как он 40 минут говорил с Ельциным, убеждая остановить войну. «Борис Николаевич, поднимите трубку, и не будет войны», — говорил Ковалев. На что президент отвечал — «Не время». Сергей Адамович оставил все свои высокие должности, поняв, что ситуацию изменить нельзя», — вспоминал Боршев.

В беседе с корреспондентом «30 октября» Валерий Боршев рассказала, что главной заслугой Ковалева стала реализация новой системы ценностей, которая развивалась совместно с Сахаровым. Во главу новых ценностей ставилось «Быть свободным человеком в несвободном мире». Для этого правозащитники должны были, помимо прочего, отказаться от самореализации в профессиональной деятельности. Ковалев был кандидатом биологических наук, успешным ученым, мог продвигаться в карьере, но «бросил науку и стал заниматься правозащитой».

«Ковалев говорил — «стыдно молчать». Он говорил правду, как это делали Солженицын и Сахаров. К слову, я тоже по примеру Ковалева отказался от успешной профессиональной деятельности — я был известным журналистом, но я ушел, стал работать пожарным. Уход в иную систему — болезненная вещь, смена деятельности приводит и к смене круга общения, занятий, что и показал на своем примере Ковалев. В отличие от современников Ковалев придерживался идеи, что более важен процесс, чем результат, что согласуется с призывом Сахарова — «Делай, что надо, а там как получится». Сегодняшнее же общество нацелено исключительно на результат. Ковалев стал основоположником политического идеализма. Он приглашал людей действовать в рамках права, учил людей нравственным нормам жизни. Нынешняя власть далека от данной позиции», — сказал Боршев корреспонденту «30 октября».

Николай Рыбаков, председатель партии «Яблоко», напомнил, что Ковалев на протяжении 15 лет был членом этой партии, определял ее политику и политику страны. Два месяца назад Ковалев открывал марафон, посвященный столетию Сахарова. Тогда Ковалев сказал: «У Сахарова были два важных качества — совесть и разум. Их не хватает современным политикам, в противном случае люди очень востре-

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ 19-30 АВГУСТА 1991 ГОДА В ХАРЬКОВЕ

бываны». «Такие люди, как Ковалев, светят и дают надежду для многих, что времена в стране изменятся. Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя предавать себя и свои идеалы. Сергей Адамович был и будет тем человеком, на чьи поступки и убеждения ориентируются поколения», — сказал Рыбаков.

Александр Даниэль, ученый, член правления Международного Мемориала, близкий друг Сергея Ковалева, отметил большое наследие, оставшееся от Ковалева. «Я не прощаюсь. Ты с нами. Твои поступки, дела, мысли, твоя работа — все это остается с нами. Совесть, благородство — Сережа всегда оплачивал твердой валютой труда. И мне посчастливилось не только дружить с Сережей, но и работать, что было безумно трудно и безумно радостно. Мало кто был таким пахарем в этой жизни», — сказал Даниэль.

Юрий Рост, журналист, писатель, фотограф, подметил жесткий, но справедливый характер Ковалева. «В нем была невероятная достоверность, чистота. То, что для других подвиг, для него было нормой жизни. Он жил так, как считал нужным, и никогда не считал себя примером, хотя для меня являлся эталонным человеком. Он был для меня «моим народом». Он был в ладу с собой. Очень помогал, что присутствовал в нашей жизни», — сказал Рост.

Григорий Явлинский назвал Ковалева «выдающимся и невероятным политиком России», который «останется навсегда». «Это был честный, искренний политик, которых не бывает. Но он таким был. А еще Сергей Адамович понимал такую вещь, которую мало кто понимает, — в стране, где нет разделения властей, нет права, а значит, невозможно быть правозащитником, нужно быть политиком, чтобы право когда-нибудь восторжествовало. В отличие от своих многих близких людей это понимал и так и действовал», — сказал Явлинский.

Леонид Гозман, политик, президент ООД «Союз правых сил», видел в Ковалеве как учителя, так и друга. «Я видел в нем живого человека, не статую. Ему были ведомы сомнения, страх, особенно о близких. Но он шел своим путем — у него было представление, что надо делать. Его многие одобряли, что ему нравилось, но когда его никто не одобрял, он все равно делал то, что считал нужным. Он многого добился, он был первым омбудсменом нашей страны! У него не было ощущения собственного величия», — сказал Гозман.

Олег Орлов, член совета правозащитного центра «Мемориал»⁴, обменявший себя, вместе с С.А.Ковалевым, на заложников в Буденновске, называл Ковалева «своим учителем». «Ковалев был и остается для меня учителем — с большой буквы. И речь не только о правах человека, а, скорее, о чем-то более важном — о выборе жизненной позиции. Таким учителем Ковалев был для многих. И вот Сергея Адамовича с нами нет, тяжело. На ум приходят слова из песни — «Страна не зарыдает обо мне, но обо мне товарищи заплачут». Мы, товарищи Ковалева, скорбим, но страна не плачет. Всенародной скорби нет, правительственных соболезнований нет, траура на ТВ нет. Это неудивительно. Россия — страна с короткой памятью, она не умеет или не хочет чтить тех, кто составляет предмет гордости. А ведь Ковалев безусловно из тех, кто составляет честь страны. Я думаю, что последние мои слова Сергею Адамовичу не понравились ему был чужд пафос. Ему было чуждо и все, что связано с понятием патриотизм. Мы с ним спорили, и тем не менее Ковалев на протяжении своей жизни много раз спасал честь России», — сказал Орлов.

Он вспомнил, как в первую чеченскую войну Ковалев, будучи известным общественным деятелем и депутатом, омбудсменом, «бросился в защиту жертв войны». «Он не занял позицию одной из сторон. А занял позицию защитника жертв — тех, кого убивали, грабили, пытали.

И именно поэтому Ковалев не раздумывая бросился в Буденновск. Он понимал, что он единственный, кто может спасти жизни заложников. И ведь спас!» — отметил Орлов.

Уже после окончания официальной части Олег Орлов поделился с корреспондентом «30 октября» впечатлением от общения с Ковалевым. Назвав Сергея Адамовича «исторической фигурой», Орлов особо отметил, что «это не образ речи, а факт». Сегодня российская общественность этого факта не осознает, что, впрочем, характеризует не Ковалева, а российское общество.

«Смерть Ковалева осталась незамеченной обществом, увы, но гражданам плевать и на историю своего государства. Между тем, у Ковалева было несколько жизней. Первая — это выдающийся, замечательный научный исследователь, чьи работы до сих пор цитируются по всему миру и высоко оцениваются. Вторая — диссидентское, правозащитное движение, в его миссию входило поднятие на мировом уровне вопроса прав граждан в СССР, а затем и в России. Мировая идеология защиты прав граждан во многом складывалась под влиянием антисоветского движения, в котором Ковалев сыграл гигантскую роль. Он рисковал своей судьбой, в то время когда сажали, запугивали. Ковалев честно, мужественно прошел все испытания, и в конце концов режим распался, рассыпался, а ведь никто не мог поверить, что это произойдет так легко и быстро. Гражданская роль Ковалева велика. Он один из немногих диссидентов, кто в новой России вошел во власть и стал использовать возможности своего положения для того, чтобы воплотить в жизнь свои демократические идеи», — рассказал Орлов.

Михаил Федотов, экс-председатель СПЧ при Президенте Российской Федерации, обратился к Ковалеву, как будто тот присутствовал на собственных похоронах. «Дорогой Сергей Адамович! К сожалению, потери ложатся все кучнее. Только вчера в Париже прощались с Ариной Гинзбург — нашей общей подругой. Сегодня мы прощаемся с вами. Сергей Адамович, только кажется, что круг становится уже и сжимается. Я вспоминаю слова Людмилы Алексеевой: «Нас была горстка в СССР, но СССР нет, мы сохранились, размножились, нас стало много — в каждом регионе России мы есть». Сергей Адамович, нас не становится меньше, а больше. Ваш пример помогает нам выжить», — сказал Федотов.

Журналистка Евгения Альбац вспомнила, как встретила в Чечне с Ковалевым. «Вспоминаю январь 1995 года, горящий Грозный. Мы вместе оказались на площади Минутка, где все простреливалось. Все вжимались в асфальт, а Адамыч продолжал идти, несмотря на стрельбу. Тем вечером, когда мы сели отдыхать, я сказала ему: «Вы либо фаталист, либо сумасшедший». Он ответил: «Женечка, у меня сердце больное, мне тяжело падать, потом вставать». Отсутствие позы и пафоса в Ковалеве — одна из поразительных черт характера. Еще важный урок — любую власть настоящий интеллект держит на вытянутой руке, но, если можно взять власть, ее надо брать. Адамыч начал и конца 1990-х — человек, оказавшийся чужим власти. Но он не стеснялся говорить ей в лицо о преступлениях. Это тот урок, который Адамыч оставил всем нам», — сказала Альбац.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент Интернет-издания

1 Виварий — помещение для лабораторных животных, используемых для научных целей.
2 Отсылка в роману А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом».
3,4 Власти считают иностранным агентом

На снимках: Сергей Ковалев. 2009 год.
Фото из семейного архива

Сергей Ковалев,
Андрей Сахаров, Елена Боннэр,
Лариса Богораз. Январь 1988 года.
Фото Татьяны Янкевич

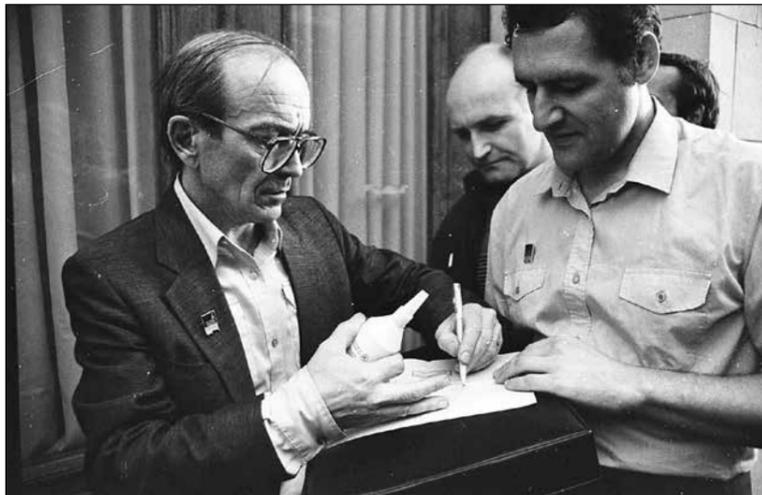
Сергей Ковалев в Чечне. 1995.
Фото Томаша Кизны

➤ Окончание. Начало на с. 1

мент 14 щенков — и мы с Генрихом Алтуняном¹ в день выборов рано утром поехали на птичий рынок их продавать), мы же с женой едем в город.

Приезжаю на работу около двух. У всех без исключения черные лица, похоронное настроение. Никто не смотрит в глаза. Говорю своим коллегам в бюро: «Чего приуныли? Это на два-три дня, не больше! Ну, максимум — неделя!» Двое-трое оживились, заулыбались, остальные мрачно молчат.

Что же делать? Звоню Генриху Алтуняну — он ничего не знает, кроме дежурных объявлений по телевизору и радио. Никто ничего не знает! Сейчас в это трудно поверить, но тогда информацию о происходя-

щем в стране получить даже органам власти было невозможно. В горсовете (я был тогда депутатом) тоже все подавлены, напуганы и — никто ничего не знает.

Звоню в Москву в «Экспресс-Хронику» и Агентство социальной информации. Здесь, напротив, все оживлены, настроение боевое. Рассказывают о происходящих событиях. Даю номер факса Алтуняна (вот молодец, любитель технических новшеств, успел обзавестись!), прошу сбросить информацию и бегу к нему. Получили простыню в три метра из обоих источников: сообщения о митингах протеста по всей стране, заявление Ельцина... Генрих с одной простыней поехал в горсовет, а я с другой — в учреждение, где мой завод арендует ЭВМ, благо это рядом с Алтуняном. Набрал и распечатал текст заявления Ельцина и — на митинг, собравшийся на центральной площади, у выхода из метро «Университет». Он начался, говорят, часов в 11 и не прекращается. Народу человек 100. Много «демократов» в штатском. У них на лицах как будто печать — видны сразу.

Я вообще-то не любитель выступать на митингах, но тут уж куда не денешься, надо. Тем более, что многие вседневные ораторы отсутствуют.

Выступаю, передаю информацию о событиях, читаю заявление Ельцина. Все предельно внимательно, на многих лицах радость. Те, что в штатском, недоумевают. Неужели и для них это новости? Снова говорю, что ГКЧП — не больше, чем на несколько дней, и на этом заканчиваю. Раздаю листочки с текстом Ельцина.

Звоню Генриху. Он рассказывает, что после получения информации в горсовете люди как-то успокоились. Евгений Кушнарев (он был тогда председателем горсовета) оправился от страха, собрался, приобрел свой привычный — ослиный и горделивый — вид и решил собрать экстренную сессию. Во вторник не успеваем — значит, в среду. Председатель областного Александр Масельский, наоборот, распустил намеченную заранее на 20 августа сессию — «Нам треба

збирати хліб». Алтунян рассказывает, что Александр Степанович еще днем наотрез отказался разгонять митинг на площади. Словом, украинские власти действуют в духе заявления Кравчука: Украины эти события не касаются.

Написал текст о харьковских событиях этого дня и продиктовал его по телефону в «Экспресс-хронику». Звоню Ларисе. Рассказывает, что и Санька, и Пашка — около Белого дома. Поздно вечером успокаиваю коллег-депутатов, которые пришли к нам домой узнать, что слышно. Они весь день просидели дома, боялись выходить.

Весь следующий день проходит в тревожном ожидании: что там в Москве? Как поведет себя армия? Курсирую между алтуняновским факсом и митингом на площади, привожу информацию о событиях. Вечером мы с женой смотались на дачу — успокоить мать с сыном. Вернулись совсем поздно.

Утром узнаю о столкновении в Москве, о трех погибших. Тревожно. Иду на сессию. Несколько депутатов предлагают осудить действия ГКЧП. Два выступления против этого предложения. Одно — заместителя начальника областного КГБ Переверзева. Он фактически поддерживает путч. Секретарь Червонозаводского райкома КПСС Григорьев говорит, что не нужно провоцировать молодежь и надо ждать решений центральных органов.

Тем не менее, сессия принимает решение осудить незаконные действия ГКЧП. Против голосует фракция коммунистов.

Хорошо помню пьянящее чувство свободы, которое я испытывал в последующие два дня. Информационной блокады уже нет, все не отрываются от телевизора. Кушнарев опять собирает экстренную сессию горсовета на понедельник, 26 августа. Коммунист Станислав Гуренко на сессии Верховной Рады поклялся, что Компартия Украины ничего не знала о путче.

Часов в восемь утра в субботу звонит приятель (жаль, уже не помню, кто именно): «Скорей беги к обко-

му. Там жгут бумаги, собралась толпа, хочет его громить». Обком в пяти минутах ходьбы от моего дома. Действительно, стоит толпа человек 60, кто-то незнакомый говорит в мегафон. За закрытыми дверями белые от ужаса лица милиционеров из службы охраны. Меня узнали в толпе, показывают: «Вон, из окон четвертого этажа дымок». Действительно, что-то похожее на дымок. Думаю: если хотели что-то сжечь, давно уже могли это сделать. Беру в руки мегафон, предлагаю не пороть горячку, не ломать обкомовский вход, а избрать из присутствующих пять человек, которые прошли бы мирно внутрь и все проверили: что жгут, где жгут и т.д. Люди согласились, мы определились, кто пойдет. Прошу толпу отодвинуться от входа, стучусь в дверь, показываю свое депутатское удостоверение, прошу открыть и говорю о наших намерениях. Напуганные охранники говорят, что они не могут никого пускать без начальства и что они позовут первого секретаря обкома Анатолия Мяслицу. Два работника обкома в стандартной форме — темный костюм, белая рубашка, галстук — выходят из здания, толпа встречает их улюлюканьем. Они с трудом пробиваются через толпу и убегают. Но, слава Богу, все обошлось без мордобоя.

Через некоторое время выходит Мяслица. Люди обступили его, кричат, улюлюкают. Вступаю с ним в переговоры, излагаю нашу позицию. Он соглашается, но просит толпу отодвинуться, он, мол, не может разговаривать со всеми разом при таком крике. Прошу людей немного отойти. Отходят. Мы с Мяслицей остаемся вдвоем, он начинает выворачиваться, крутить, возражать. Отменный демагог! Мы с ним спорили минут 40. Толпа, теряя терпение, приближается, он сразу соглашается на все, просит меня, чтобы люди отошли, а как только они отходят — снова начинает юлить. Тут вдруг подъезжает машина, из нее выходят Кушнарев и Алтунян, только что вернувшиеся из Киева. Кушнарев говорит: «Будем печатывать обком — сейчас будет принято решение облисполкома. Евгений Ефимович, я прошу вас войти в комиссию по печатыванию. Возьмите еще двух депутатов». Он уходит, а Генрих задерживается и рассказывает, что ночью во Львове толпа ворвалась в обком партии и нашла там телеграмму ЦК КПУ в партийные органы Украины от 18 августа с описа-

➤ Окончание на с. 11

1. Генрих Алтунян — диссидент, правозащитник, член Совета Харьковского «Мемориала»

На снимках: Евгений Захаров с ключом от входных дверей обкома. Коммунисты уходят из обкома. Участники печатывания обкома (слева направо): Александр Новиков, Александр Приймак, Евгений Захаров, саади Сергей Владимиров. Фото из архива Харьковского литературного музея

СКАНДАЛ ВОКРУГ БАЗЫ ДАННЫХ «ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В СССР»

В конце августа в соцсетях разразился скандал, предметом которого стала база данных «Жертвы политического террора в СССР». 24 августа историк Холокоста Арон Шнеер опубликовал на своей странице в Facebook эмоциональный пост, озаглавленный «Позор «Мемориалу», в котором рассказывал, что обнаружил в этой базе данных, охватывающей более 3 миллионов человек, фамилию нацистского коллаборациониста из Лудзы Павла Ковалевского. Последний, согласно материалам его уголовного дела, имеющимся в распоряжении историка, принимал участие в убийстве лудзенских евреев.

«Надеюсь, что это происходит по недосмотру, недоразумению. Необходимо перепроверить, перетрясти всю базу, ибо, возможно, это не единственный постыдный факт», — писал Шнеер. В комментарии к посту он указал, что даже по тем данным, которые приведены в «Жертвах политического террора», можно было установить, что Ковалевский был осужден как активный коллаборационист по указу Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах нака-

«ОШИБКИ ВСТРЕЧАЮТСЯ ДАЖЕ В БАЗЕ ДАННЫХ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА, СОСТАВЛЕННОЙ МУЗЕЕМ-МЕМОРИАЛОМ ЯД ВА-ШЕМ»

зания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» и не был «безвинно осужденным».

Здесь Шнеер попал в довольно распространенную смысловую ловушку, подразумевающую, что все репрессированные были безвинно осужденными, и потому в этом списке не могут находиться реальные преступники. Это напомнило дискуссию, развернувшуюся после открытия 27 октября 2018 года в Коммунарке Стены памяти, на которую, помимо прочих, были нанесены имена сотрудников НКВД, участвовавших в репрессиях, а позже ставших их жертвами.

На следующий день Шнеер написал еще один пост, озаглавленный «Это не одна ошибка и не случайность», где с обидой писал, что «в своем правосудитном раже кое-кто из «Мемориала» стремился оправдать внесение в список жертв советской власти одного нацистского пособника... Могли в ответах написать, что, мол, вероятно, ошибочно попал в общий список. Однако, судя по агрессивным репликам нескольких особо ярких защитников пособников, дело сложнее. Кроме обвинений в некомпетентности, оскорблений, по-

следовали требования опубликовать весь следственный материал по делу Павла Ковалевского — активного участника в уничтожении не менее 900 евреев моего города, включая моих родных. Если бы с такой рьяностью проверяли имена всех вносимых в список жертв репрессий советской власти, не было бы ошибок... Это дело «Мемориала», не надо было списками вносить всех якобы «безвинно арестованных» членов полицейских батальонов, легионов СС, полицейских, убийц из ОУН, из Молдовы, Литвы, Латвии, Эстонии, да и Беларуси, России — участники погромов, расстрелов, расправ в свою базу данных». Он также сообщил, что обнаружил в базе данных имена еще как минимум двух известных ему нацистских коллаборационистов — Петра Петровского и Ивана Лисовского (справедливости ради, надо отметить, что в случае с Лисовским данных об указе 1943 года, который мог бы позволить сразу выявить его как коллаборациониста, нет).

А.Шнеер также дал интервью израильскому русскоязычному интернет-телеканалу ITON TV, где заявил, что выступает категорически против признания жертвами репрессий активных коллаборационистов, полагая, что подобное признание является некой реабилитацией. Он также опроверг высказывавшееся некоторыми комментаторами его постов предположение, что показания на коллаборационистов нельзя верить, поскольку они «выбивались» следователями НКВД, подчеркнув, что следователям «не требовалось заниматься фальсификацией», так как у них в распоряжении был огромный массив информации, включавший немецкие документы, показания других коллаборационистов, показания свидетелей (в том числе и чудом выживших жертв).

Что касается возможных ошибок, то Шнеер признал, что ошибки встречаются даже в базе данных жертв Холокоста, составленной музеем-мемориалом Яд ва-Шем, где он ранее работал, и заявил, что для проверки чистоты базы данных «Мемориала» мог бы привлечь волонтеров, как это в свое время сделал Яд ва-Шем (хотя, по его признанию, даже с привлечением волонтеров сотрудники Яд ва-Шем, проверявшие базу, каждый день работали до 22.00). «Необходимо не скрывать проблему, а говорить о ней — полностью и полностью», — заключил Шнеер.

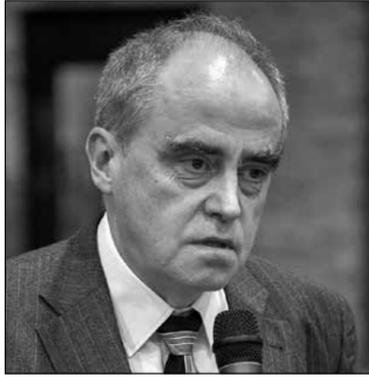
ДИСКУССИЯ В FACEBOOK И ВНЕ ЕГО

Посты А.Шнеера вызвали бурю восторга у неосталинистов, которые начали сопровождать их комментария-

ми вроде «Мемориал» — шарашкина контора, призывающая «покаяться за грехи», или «Мемориал» — это позорище, причем позорище на деньги налогоплательщиков. Надеюсь, когда-нибудь «награда» этим врагам народа достанется им при жизни».

Впрочем, были и другие комментарии. Историк Иван Грибков заметил, что понятие «жертва террора» не означает, что жертва являлась хорошим человеком. «Террор — не правосудие. В любой базе «жертв» могут попасться не самые приятные люди... Я вам больше скажу. Там попадаются убийцы, насильники и мародеры, казненные оккупантами именно как убийцы, насильники и мародеры».

Другие участники дискуссии напоминали, что ошибки есть и в других больших базах. К примеру, в базу

«ЗА УКАЗАНИЕ НА ОШИБКИ В НАШЕЙ БАЗЕ МЫ ВСЕГДА ПРИЗНАТЕЛЬНЫ И СТАРАЕМСЯ ИХ ИСПРАВЛЯТЬ»

«Подвиг народа», охватывающей период 1941-1945 годов, были включены высокопоставленные власовцы.

26 августа был опубликован пост ведущего специалиста научного сектора исполнительного дирекции Российского военно-исторического общества Константина Пахалюка, посвященный этой теме. Он отмечал, что проблема баз «Мемориала» и «Подвига народа» (база данных об участниках войны) как раз заключается в их промежуточном характере: они одновременно и научные базы, и проекты, имеющие идейно-ценностное содержание. «Наличие базы данных о всех военнослужащих РККА — это хорошо, но предатели и кровавые убийцы под заголовком «подвиг народа» смотрятся странно. База данных о репрессированных — хорошо, но считать одинаково жертвами вахмана Третьякова и репрессированного слесаря из Горького — тоже странно», — писал историк, подчеркивая, что нужен какой-то общий вариант решения проблемы, и предлагая «как-то обозначать» «последующую судьбу и дополнительные обстоятельства» подобных персонажей, чтобы пользователь базы сам решал, как к ним относиться.

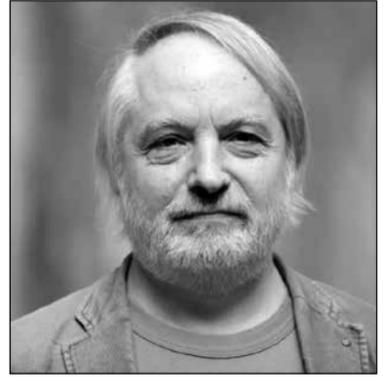
Пахалюк также уловил ошибочную тенденцию отождествления статуса жертвы и представления об этом человеке как об исключительно

добродетельном персонаже, отмечая, что коммеморация жертв — это не увековечение их добродетелей, а жест против преступлений государственных систем. «В этом смысле развернувшаяся дискуссия до боли напоминает обсуждение того, что не все евреи, убитые нацистами, были хорошими людьми, а также яркие споры в Израиле относительно тех же юденратов!... Формально оправдывать всех, кто был подведен под одну статью, не получается, да и не надо: наоборот, стоило бы осмыслить то обстоятельство, что по одним и тем же статьям осуждались и причастные к массовым убийствам, и невинные», — замечал Пахалюк. Историк также призвал понимать разницу между юридическим и моральным осуждением. «На мой взгляд, считать жертвой советских политических репрессий человека, который доводил евреев до расстрельных ям, значит считать правильным, когда союзники отпускали домой сотрудников концлагерей или расстрельных команд, не находя доказательств их личного соучастия. Это же ведет к прямому забвению того, как вообще возможны преступные системы, а потому грозит их повторению. И морально-историческая оценка советского приговора в качестве справедливого вовсе не означает оправдания самой сталинской системы террора. Наоборот, это — мне кажется — та точка, откуда возможно ее понимание. Но как это сделать, это требует дальнейшего осмысления», — заключил Пахалюк.

Впрочем, дискуссия очень скоро вышла за пределы соцсети. 25 августа в телепрограмме «Вести» появился сюжет об этой истории, озаглавленный «Фашисты «Мемориала»: как в списке мучеников попали каратели и убийцы». В коротком пятиминутном сюжете «Мемориал» был семь раз назван «иноагентом». Автор(ы) сюжета явно хотел(и) создать впечатление, что «Мемориал» специально пытается выдать коллаборационистов за невинных жертв. Также заявлялось, что сотрудники «Мемориала» якобы очень жестко прокомментировали пост А.Шнеера. В качестве эксперта «Вести» привлечен преподаватель Воронежского университета Станислав Хатунцев, опубликовавший недавно панегирическую статью об одной из самых мрачных фигур Гражданской войны — бароне Унгерне, который, по его словам, возглавлял «маленький Белый интернационал, который под знаменами ряда традиционных религий — христианства, буддизма, ислама — противостоял атеистическому Красному интернационалу». Выступление такого эксперта, видимо, было рассчитано на то, что телезрители не полезут сами смотреть базу данных «Мемориала», поэтому Хатунцев голосово заявлял, что «в число жертв в нашей либеральной общественности как раз-таки попадают палачи» и что он «не слышал плача и воя «Мемориала» по поводу великопленного русского историка Платонова, который умер в результате вот этой ссылки, так называемое «дело академиков»; вот что-то про Вавилова не слышно, который умер в тюрьме» (и Платонов, и Вавилов в базе, естественно, есть).

Еще один эксперт, заместитель главного редактора консервативного телеканала «Царьград-ТВ» Михаил Смолин, обвинил «Мемориал» в «тенденциозности» и «исторической глупости». Сюжет завершался фразой: «Иноагент «Мемориал», пытаясь в очередной раз переписать историю, снова очернил сам себя».

Похоже, такое развитие событий обеспокоило самого Арона Шнеера. 27 августа он написал очередной пост, в котором сообщил, что забанил «тех, кто площадной бранью оскорблял «Мемориал», нужность которого я не оспаривал ни в одной своей публикации, ни одним высказыванием, а привел лишь его вопиющие ошибки». А 31 августа в новом посте историк, рассказав о некоем неонацисте из российской провинции, заметил: «Вот кем должны заниматься СК, Роскомнадзор и ТВ-каналы России. 24-й канал и НТВ, которые недавно обратились ко мне по поводу «Мемориала», РЕАГИРУЙТЕ! Вовсе не «Мемориал» представляет угрозу будущему страны». Больше

«В БОЛЬШОЙ БАЗЕ ДАННЫХ ВСЕГДА МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ И НЕРЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ ЛЮДИ»

он предпочел данной теме не касаться, а на просьбу «30 октября» о комментарии заметил, что все ответы есть на его странице в Facebook и в интервью «Итону» и более он ничего комментировать не намерен.

Реагируя на разгоревшийся скандал, ситуацию 27 августа прокомментировал Ян Рачинский, председатель Правления Международного Мемориала. Он отметил, что если сведения, представленные Шнеером, подтвердятся, то указанные им лица будут исключены из базы. Рачинский признал, что составлению больших баз данных неизбежно сопутствуют ошибки, даже при максимально благоприятных условиях. «Будь то проект «Подвиг народа», реализуемый при содействии Министерства обороны, база данных жертв Холокоста в Яд-Ва-Шеме или база жертв политического террора в СССР, составленная «Мемориалом», — при миллионах персоналий все проверить невозможно. За указание на ошибки в нашей базе мы всегда признаем и стараемся их исправлять. Разумеется, после проверки предоставленной информации будут исправлены и ошибки, на которые указал А.И.Шнеер», — подчеркнул Я.З.Рачинский.

Председатель Правления Международного Мемориала выразил сожаление, что Арон Шнеер, вместо того, чтобы связаться с составите-

ДЕЛО ДМИТРИЕВА —

цию государства. В феврале нынешнего года Третий кассационный суд общей юрисдикции уже пересматривал дело в стадии кассации и оставил приговор Верховного суда Карелии без изменений, несмотря на многочисленные нарушения (назначение адвоката без одобрения Дмитриевым, отказ в переносе заседания в связи с болезнью адвоката и т.д.).

Процесс, идущий в Петрозаводском городском суде, должен быть прерван для того, чтобы Верховный суд РФ смог ознакомиться с делом и

объявить свое решение относительно справедливости ранее вынесенных приговоров.

Напомним, что Юрий Дмитриев был приговорен к 13 годам заключения в колонии строгого режима (вместо 3,5 лет — как решил по началу Петрозаводский городской суд) по одному из обвинений, по трем другим дело было направлено на очередной пересмотр в городской суд.

В период рассмотрения жалобы с просьбой о пересмотре дела

Дмитриева в Верховный суд обращались многие российские и зарубежные общественные, исследовательские и образовательные организации.

Джон Максвелл Кутзее, лауреат Нобелевской премии 2003 года, написал, что «следил за ходом дела Дмитриева и действиями российской судебной системы в отношении него и был неприятно удивлен той непоследовательностью, которую проявили в ходе рассмотрения этого дела российские суды различных инстанций».

Верховный суд РФ затребовал дело Юрия Дмитриева в связи с его жалобой, однако Петрозаводский суд настаивает, что не получал запроса. 7 сентября очередное заседание по пересмотру дела перенесли на 30 сентября из-за болезни Юрия Дмитриева и адвоката. Но и 30 сентября заседание суда было коротким: из-за болезни адвоката обсуждался только вопрос о дальнейшем переносе слушаний. Следующие заседания назначены на 28 и 29 октября и 1 ноября 2021 года.

Заседание по делу Юрия Дмитриева, назначенное на 7 сентября в Петрозаводском городском суде, состоялось, но было очень коротким: слушания отложили. Адвокат Дмитриева Виктор Ануфриев заранее уведомил суд о том, что его подзащитный нездоров и не сможет участвовать в заседании. Одновременно адвокат подал ходатайство об отложении слушаний в связи с истребованием материалов дела для пересмотра в Верховном суде.

31 августа на сайте Верховного суда Российской Федерации появилась информация о том, что дело Юрия Дмитриева истребовано для пересмотра. Жалоба на приговор Верховного суда Республики Карелия, вынесенный на стадии апелляции 29 сентября 2020 года, была подана Юрием Дмитриевым в Верховный суд РФ в конце июня.

Это уже вторая кассационная жалоба Дмитриева — на сей раз она подана в высшую судебную инстан-

РЕГИОНЫ

Белорусский краевед Владимир Иванов, давний подписчик «30 октября», в ответ на полученный им электронный вариант газеты написал в редакцию о том, что он подготовил и за свой счет издал 4 книги по истории репрессий в Витебской области Беларуси. В ходе переписки выяснилось, что Владимир — бывший ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС, выйдя на пенсию, занялся темой репрессий, которые затронули его семью. Он исследовал доступные архивы, в итоге получилось подготовить четыре небольшие книги об отдельных эпизодах из истории репрессий, которые он передал в местные библиотеки. О том, что Владимир узнал в архивах, он написал для «30 октября».

Немененок Михаил (завотделом, прибывший из уральской парторганизации), Карницкий Петр (председатель земотдела), Александрович Михаил (член Дисненской ЧК), Сенкевич Осип, Харевич Франц (начальник Дисненской милиции и чекист), Бобровский Антон (замначальника Дисненской милиции и чекист), Свирко Осип (дисненский милиционер) — были арестованы и помещены в Дисненскую тюрьму. Дополнительно по делу были арестованы несколько милиционеров из Шарковщины, обвинявшихся в дезертирстве с фронта, грабежах местного населения и участии в расстреле.

В связи с приближением к Дисне польских войск 5 июля 1919 года

лювия содержания в витебском губернском концлагере хронически не соответствовали нормативным: не было надлежащих охраны, учета, бытовых и санитарных условий, трудоустройства и своевременной оплаты за труд, зато было много побегов, — о чем указывалось в отчетах и актах о проверках этого концлагеря, которые мною приводятся в книге. Вместо помощи в работе витебские губернские власти регулярно сменяли и наказывали начальников концлагеря.

В мае 1921 года концлагерь был переведен из пригородного Маркова монастыря в еще менее пригодные помещения бывшего завода Лисовского в самом Витебске (в районе нынешней улицы Фрунзе). В последующем акте проверки концлагеря содержится вывод: «Если лагерю не будет предоставлено иное, пригодное помещение, то целесообразно лагерь закрыть, ибо при таком его состоянии смысл наказания сводится к нулю».

Решение о ликвидации Витебского концлагеря было принято в декабре 1922 года. Согласно акту ликвидационной комиссии от 4 декабря, на момент ликвидации в архиве канцелярии лагеря хранилось личных дел заключенных с № 6 по № 4513 — это число и следует принять за пропускную способность лагеря с 1919 по 1922 год. В архиве лагеря оказались не все дела — на тех эзков, которые были переведены в другие лагеря, либо им были ужесточены наказания (за побег

ветили, что списков административно высланных у них нет — эта информация недоступна.

В книге я изложил двухлетнюю бюрократическую переписку бывшей ссыльной Лакетко Матрены, оспаривавшей в областной комиссии заниженную стоимость конфискованного при ссылке имущества и добившейся успеха только после жалобы в Верховный Совет БССР.

Также я рассказал удивительную устную историю витебской жительницы Антонины Лосминской, мать которой в 1930 году была выслана в Архангельскую область (первый муж ее матери прежде был отправлен в лагерь и затем расстрелян), где она повторно вышла замуж за такого же ссыльного, от которого родила в 1940 году Антонину. В ссылке, на лесоповале мать Антонины подружилась с ссыльной землячкой Ядвигой (после расстрела мужа Ядвига в ссылке также повторно вышла замуж за ссыльного, от которого родила сына). После войны обе подруги (ставшие вдовами), освободившись из ссылки, вернулись на Витебщину и поселились поблизости. Их дети подружились и затем поженились. Вот так переплелись судьбы ссыльных матерей и их детей.

РАССТРЕЛЫ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Четвертая книжка — «Как «свои» уничтожили в начале войны более 2 тысяч заключенных глубокой и витебской тюрем» — написана в 2021 году, к 80-летию начала ВОВ

Из материалов книги «Память Глубокского района», воспоминаний бывших узников Глубокской тюрьмы, электронных источников в книгу попали описания условий содержания в тюрьме, этапирования и расстрела.

За два дня до начала войны, в ночь с 19 на 20 июня 1941 года, операция НКВД по выселению стартовала в Западной Беларуси. Это выселение затронуло остатки контрреволюционеров, их семей, бывших чиновников госаппарата Польши и балтийских государств, буржуазии, проститутток, беженцев — всего десять категорий граждан. Туда вошли еще и уголовники, ранее НКВД не интересовавшие: приграничные регионы очищались от любых «неблагонадежных элементов».

Начавшаяся 22 июня война полностью изменила мирный уклад жизни в СССР, в первую очередь — на территории БССР, которую Гитлер полностью захватил за какие-то две недели.

Гитлеровцы наступали стремительно. И судьба заключенных решилась уже 22 июня на заседании Бюро ЦК КП(б) БССР. Документы свидетельствуют о том, что на этом заседании под председательством первого секретаря ЦК Пономаренко было принято постановление ЦК КП(б) БССР, отрывок из которого я процитирую. «Слушали: о заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей, приговоренных к высшей мере наказания. Постановили: поручить товарищам Цанаве и Матвееву

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ ИЗ БЕЛАРУСИ

РАССТРЕЛ В ДИСНЕ

Работая в ГАВО в 2017 году, я наткнулся на объемистое дело № 303 (в фонде 200) «О злоупотреблениях членов Дисненского уездного комитета и незаконном отзыве отряда с фронта», возбужденное Судебно-следственной комиссией Виленского губернского военкомата 12 июня 1919 года и расследовавшееся в Дисне. Эта находка и послужила основой для первой книжки о репрессиях — «Большевицкий расстрел в городе Дисна 29 апреля 1919 года». Дисна в 1918 году была центром уезда с территорией, охватывавшей несколько нынешних районов Витебской области, а теперь — это самый маленький город Беларуси (не более 1500 жителей).

Примечательно, что из 1800 дел фонда №200 за 1918-1919 и 1920-1922 годы насчитывается не менее 600 дел, касающихся контрреволюции, которые были переданы в 1956 году в архив Витебского УКГБ, где они осели и стали недоступными, а дело № 303 с достаточной непримечательным названием осталось в ГАВО.

Большая часть дела № 303 посвящена обстоятельствам незаконного расстрела в Дисне 29 апреля 1919 года 9 человек. Это: член уездного комитета Дисненского уездного комитета Лазарев Анатолий и его сестра Прасковья; Корсаков Станислав, бывший помещик, состоявший на службе инженером в Дисненском совнархозе; Жданов Константин, священник из Шарковщины; Соколов Алексей, священник из деревни Язно; инженер Чуро Василий с женой Еленой 58 лет; Вертинский Иосиф и старый партизанист Завадский Иван.

В материалах допросов по делу содержатся факты принятия членами Дисненского уездного комитета незаконного решения о расстреле, конвоирования арестованных из Дисненской тюрьмы к месту расстрела и его подробное описание, рассказы о негативной реакции населения уезда на этот расстрел и о злоупотреблениях местной большевистской власти.

Во время следствия по делу членами Дисненского уездного комитета — Лесковский Николай (председатель), Горбатенко Осип (председатель следственного политотдела, прибывший из парторганизации Петрограда),

15 обвиняемых по делу № 303 были этапированы в Смоленскую тюрьму, и неясно, чем закончилось расследование их дела. Теперь Россия для Беларуси другое государство и попасть в его архивы, да еще за 1919 год, очень сложно.

КОНЦЛАГЕРЬ ВИТЕБСКЕ

9 августа 1918 года Ленин в телеграмме Пензенскому губисполкому писал: «Необходимо организовать усиленную охрану из оборонно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».

Вот так в телеграмме Ленина, а потом и в декрете Совнаркома от 5 сентября 1918 года утвердились «концентрационные лагеря». Об этом я пишу в книге «К столетию большевистского концлагеря, открытого в Витебске в 1919 году».

В Витебском государственном областном архиве я нашел несколько архивных дел за 1919-1922 годы, содержащих материалы о работе Витебского послереволюционного концлагеря, открытого в 1919 году. В них содержатся нормативные акты по открытию большевистских концлагерей, в частности постановление ВЦИК РСФСР об организации лагерей принудительных работ от 17 мая 1919 года, содержащее требования о размещении, охране и организации труда заключенных концлагерей. Согласно этому постановлению, концлагеря должны находиться в ведении отдела принудработ НКВД соответствующего исполкома и оборудоваться в губернских, а с особого разрешения — даже в уездных городах, с наполняемостью не менее чем на 300 человек. Заключенные концлагерей должны находиться под надлежащей охраной, быть обеспечены бытовыми условиями, активно трудиться и получать за свой труд зарплату.

Уже с мая 1919 года комиссия Витебского ГубЧК выносит первые постановления о заключении в концлагерь, хотя лагерь открыли только в ноябре того же года в помещениях пригородного Марковского монастыря (по нынешней улице М.Горького в Витебске).

На практике, при существовавшей в гражданскую войну разрухе и недостатке нужных кадров, ус-

Штамп органа		ЗАПИСЬ АКТА О СМЕРТИ № 7	
Судебный отдел		Об. ИИИИИ	
1919 г.		1942 г.	
(первый, второй экземпляр)			
1. Фамилия	Нечая	3. Отчество	Александровна
2. Имя	Людмила	5. Национальность	Белорусы
4. Пол	женский		
6. Время смерти	13. октября 1942 г.		
7. Место смерти	город (село)	Минск	район
8. Причина смерти	Рассстрел		
9. Время и место рождения	1883	19 г. город (село)	
10. Где постоянно проживал	город (село)	Березин	район Шарковщины

Копия записи акта о смерти репрессированного Людмилы Нечая. Его дочь — Роза Николаева — свидетельница расстрела заключенных конвоирами во время авианалета 26 июня 1941 г.

предусматривался даже расстрел), дела, видимо, пересылались к новому месту отбывания наказания. Последние эскизы в витебском концлагере — до решения своей судьбы — содержались, возможно, формально, до 1923 года, пока не были освобождены по истечению срока, по амнистии либо досрочно.

В книге также рассказывается о судьбах витебских граждан, содержащихся в витебском концлагере, — по материалам ГАВО.

ВЫСЛАННЫЕ СЕЛЬЧАНЫ

В 2017 году я просмотрел в Витебском областном архиве несколько томов материалов областной комиссии по оказанию содействия в обеспечении прав жертв политических репрессий за 1990-1994 годы³. Вызванный ими интерес к судьбам семей ссыльных из Витебской области подтолкнул меня к написанию в 2020 году книжки «Судьба высланных из Витебщины сельчан и их детей».

Меня впечатлили изложенные в заявлениях бывших ссыльных факты, когда из семей в 5-7 человек почти все в ссылке не выжили, кроме самих заявителей. Я внимательно изучил существенно заниженные данные о предвоенных ссыльных жителях Витебского района из районной книги памяти. В ГАВО я нашел только одно дело об административной высылке в 1931 году на Север и за Урал бывших 84 кулаков и их семей из Витебского района (анкеты и эшелонный список). В ИЦ УВД Витоблисполкома мне от-

и уничтожения НКВД узников глубокой и витебской тюрем.

Глубокский район был включен в состав БССР в 1939 году после присоединения Западной Беларуси (в состав Витебской области — с 1960 года). На территории нынешней Витебской области в предвоенные годы действовали 4 тюрьмы НКВД: в Витебске, Орше, Полоцке и Глубоком.

Тюрьма № 28 в Глубоком была организована НКВД в кельях закрытого униатского монастыря, построенного в середине XVIII века, в месте, называемом Березвечье. Глубокская тюрьма была межрайонной, в нее направляли арестованных из Глубокского, Докшицкого, Шарковщинского, Поставского, Миорского, Дисненского, Дуниловичского, Браславского, Плисского, Гадутинского районов в составе Вилейской области.

В начале 1940 года в тюрьме № 28 было 30 камер, лимит содержания в них установлен в 530 человек, фактически содержалось на день обследования 625 человек.

Объем репрессий и арестов с середины 1940 года увеличился, соответственно и тюрьмы Западной Беларуси переполнялись еще больше. В журнале НКВД СССР о численности заключенных в тюрьмах отмечено, что 10 июня 1941 года в вилейской тюрьме № 26 содержался 1031 человек при допустимом лимите в 350. Соответственно, и в Глубокской тюрьме могло содержаться более 1500 человек — по 50 и более в камере.

передать директиву об исполнении приговоров в отношении осужденных к ВМН, содержащихся в тюрьмах западных областей». На второй день войны начали бомбить Минск, и 24 июня руководство партии и правительства БССР поспешно скрылось в Могилеве, а оттуда переместилось в Москву. Немецкие танки продвигались от западной границы БССР со скоростью до 50 км в день. НКВД стало понятно, что обеспечить охрану контингента в тюрьмах не получится, а железная дорога не смогла предоставить нужное количество вагонов для эвакуации заключенных из БССР.

Расстрельная машина заработала в соответствии с требованием ЦК и руководства НКВД. Чекисты БССР имели приказ за подписями Пономаренко и Цанавы «в случае невозможности обеспечить охрану контингента расстреливать заключенных на месте».

В Глубокской тюрьме расстреляли 400-600 человек, которых зарыли в ямах во дворе тюрьмы. Остальных — колонной до 2000 человек — рано утром 24 июня под конвоем надзирателей, местной

Окончание на с. 11 ➤

1. Материалы дела 303, фонд 200, опись 1. Государственный архив Витебской области.
2. Государственный архив Витебской области. Фонд 1173, опись 1, дело 50.
3. Государственный архив Витебской области. Фонд 1966, опись 34, дело 1. Материалы к протоколам заседания облкомиссии по оказанию содействия прав жертв политических репрессий. Фонд 1966, опись 33. Фонд 571, опись 1 дело 169.

На снимке: Владимир Иванов. Фото Владимира Иванова.

ПРИШИБИНСКИЙ ВЫБОРНЫЙ ИНЦИДЕНТ

Грязные выборы. Такие случались не только в наше время. Околовыборными скандалами грешили наши земляки, жившие на заре советской власти. В Госархиве Волгоградской области (ГАВО) недавно было рассекречено уголовное дело¹, заведенное чекистами Царевского уезда в отношении коммунистов села Пришиб (современный Ленинск Волгоградской области). Осенью 1918 года фигуранты дела пытались переинициализировать результаты выборов военкома и членов сельского совета. Их попытка не увенчалась успехом, и они затеяли заговор...

Во время описываемых событий Царев был уездным военным и административным центром. Во время второй осады Царицына казачьи войсками атамана Краснова здесь базировались тылы X Красной армии.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

16 ноября у 36-летнего кучера военного комиссариата села Пришиб Ильи Наумова вечер не задался. С утра его отправили в Царев «отвезти важных пассажиров». Вернулся он в село в восьмом часу вечера. Только хотел распрячь лошадей, как последовал окрик председателя исполкома Ивана Силаева: «Заворачивай в Царев». Кучер возразил: «Надо ты лошадей перепрячь...». Выйдя из-за спины председателю, некий царевский гражданин «в пальто» нервно прикрикнул на кучера: «Будешь возиться, я тебя заарестую».

Угрозы возымели действие: экипаж вскоре был готов. В него водрузились Силаев, член комбеда Мартемьянов и двое неизвестных царевских граждан «в пальто». За повозкой Наумова следовал, сопровождаемый двумя вооруженными кавалеристами, экипаж кучера Дружинина. В нем тряслись начальник сельской боевой дружины Петр Вологин и неизвестный мужчина.

На выезде из Пришиба группу нагнал конный отряд товарища Букатина. Кучер Наумов обратил внимание, что бойцы Букатина были в полном кавалерийском вооружении, а в арьергарде поскрипывала колесами тачанка с пулеметом Максима. В окрестностях Царева колонну остановил патруль гарнизона. Прозвучал парол. Эхом откликнулись отъезжающие. Две повозки в сопровождении конвой проследовали в город. Конный же отряд Букатина был задержан: патруль требовал разрешения уездного военкома, которого у кавалеристов не было.

Старший патруля спросил Силаева о цели столь позднего визита. Председатель исполкома иронично ответил: «Едем арестовывать Симонова, Коростелева и Варфоломеева». Патрульные оценили шутку и рассмеялись. Силаев назвал имена уездных начальников, лиц неприкосновенных, — военкома, председателю исполкома и чрезкому. Впрочем, намерения группы были очень серьезными — в портфеле главного покоился мандат с печатью волостного исполкома и утверждением уездного съезда советов об аресте видных коммунистических деятелей Царева.

В бледном свете растущей луны проявились силуэты домов уездного центра. Кучер Наумов насторожился и прислушался. За его спиной слышались обрывки нервного речи. «Симонову рот раздери в кровь, довольно ему пьянствовать», — угрожал неизвестный голос. После минутной паузы кто-то тихо заметил: «А что, пожалуй, не обойдется без кровопролития». Последовала новая пауза. Кто-то предложил: «Устроим Варфоломееву Варфоломеевскую ночь».

Две повозки, сопровождаемые конвоем, вошли во мрак улицы и исчезли за поворотом. Как развивались события? Состоялись ли намеченные заговорщиками аресты? На эти вопросы в материалах дела ответов нет. Но уже вечером 17 ноября появилась информация о задержании самих крамольников. Силаева, Вологина и Мартемьянова допрашивал председатель Пришибинского отдела ЧК Михаил Сидоренко.

Своей вины задержанные не отрицали. На вопрос, кто надушил их возглавить отряд, «Силаев виновато заявил, что мы очутились ночью во главе упомянутого отряда по собственной инициативе». Председатель комитета товарищ Окрент безапелляционно заявил с

трибуны, что «это дело будет расследовано до конца и все виновные понесут достойную кару».

ОКОЛОВЫБОРНЫЕ СКАНДАЛЫ

События, предшествующие инциденту, описал 25-летний военный комиссар села Пришиб Иван Чистяков. Он рассказал следователю ЧК, что его конфликт с «шестеркой» местных коммунистов возник в июне 1918 года во время выборов сельского военкома.

В голосовании участвовали члены поселковой ячейки РКП(б). На вождеденный пост претендовали два кандидата: молодой и ретивый Чистяков и матерый коммунист, член уездного чрезвычайного комиссариата Вологин. Выбрали молодого.

Проигравшему предложили менее престижное назначение — он возглавил отряд местной боевой дружины. Вологин, ничтоже сумняшеся, опираясь на авторитет подержавшего его сельсовета, заявил молодому конкуренту, что он, пожалуй, готов взять на себя обязанности военкома. Но партия не допустила узурпации.

«Когда партия уже вышла из терпения, то на общем собрании заявила ему прямо так: «Товарищ Вологин, мы выбрали не тебя, а товарища Чистякова», — вспоминал военком.

Наметился раскол пришибинской власти. Совет выступил в защиту Вологина. Партия же в ответ провела переборы и реорганизацию, «потому что там, в совете, сидели все буржуи и кулаки». Судя по всему, Чистяков был ставленником уездных властей, так как Вологин, председателю Силаев и бывший руководитель совета обратили пристальное внимание на уездных чиновников: Симонова, Коростелева и Варфоломеева. Эти товарищи им «мешали работать», поэтому возникла необходимость «из Царева их убрать от власти». К концу лета шестерка заговорщиков решила апеллировать непосредственно в Чрезвычайный штаб обороны.

«Но мы не допустили этого», — заявил Чистяков следователю. Правда, каким образом, пришибинский военком не пояснил. Судя по документам уголовного дела, Чистяков все же уступил должность военкома представителю старой гвардии коммунистов Буланову. Видимо, уездные власти в стремлении замаять конфликт пошли на некоторые уступки пришибинской оппозиции.

Но это не помогло. В сентябре Вологин и компания предприняли первую попытку устроить разборки в Цареве.

«Вологин зашел ко мне и попросил пару лошадей в Царев в ночь

На мой вопрос «зачем?» ответил: «Хотим устроить Варфоломеевскую ночь». Спросил «кому?» «Симонову и Коростелеву». Как? «Отвезем их, и пусть ищут». Сказал ему, что лошадей не дам», — вспоминал Чистяков свои препирательства с конкурентом.

КОММУНИСТЫ РАЗОГНАЛИ КОММУНИСТОВ

12 ноября под покровом ночи состоялось «гнусное ночное заседание» шести заговорщиков. Они собрали в народном доме всех коммунистов и «под угрозой Царицынского фронта» заставили их проголосовать о полном самороспуске Пришибинской партийной ячейки. «Партию как таковую распустить и боевую дружину разоружить», — значилось в решении собрания.

Утром Петр Буланов отдал приказ дружине к полудню сдать оружие. На слабые протесты рядовых коммунистов матерые партийцы давали издевательские пояснения, называя волостную парторганизацию «базаром и толпой». В тот же день, совершенно случайно, в Пришиб заехали уездные бонзы Варфоломеев и Сидоренко, сопровождал их волостной военком Чистяков. Прибывшую власть тут же обступили распущенные коммунисты.

«Со слезами на глазах упрашивали нас. Мы ответили: никто партию распустить и обезоруживать не может, только сама партия это может сделать», — вспоминал позже свидетель Варфоломеев.

«Не мешайте нам обезоруживать дружину», — прикрикнул на начальство Силаев, недвусмысленно намекая на поддержку со стороны отряда Красной армии (возможно, кавалерийской группы Букатина). Уездные гости отправились в телеграфную контору для вызова из Царева подкрепления. Но на почте служащие отказались допустить их к аппарату, сославшись на запрет волостного председателя. После недолгих препирательств и угроз Варфоломееву все же удалось вызвать помощь из Царева.

«Наш высокоуважаемый и неутомимый труженик пролетария товарищ Коростылев и военком Карпов не замедлили приехать в Пришиб», — рассказывал позже на допросе Варфоломеев.

В два часа дня в Пришибе «при полном кворуме» и под присмотром уездных товарищей началось новое заседание местного комитета партии. Была избрана комиссия, которая провела беспощадную чистку партийных рядов: из 600 коммунистов с партбилетами остались лишь

164 человека. Силаеву и другим заговорщикам были заданы прямые вопросы: «Зачем распустили партиячку и разоружили боевую дружину?» Вологин, Силаев, Трясушев, Хренов, Дружинин и Буланов дали «непонятные ответы».

В результате все шестеро лишились своих постов. Чистякову вновь доверили должность военкома, отстранив Буланова. Таким образом, все решения волостного комитета были отменены, кровавое столкновение боевой дружины с частями Красной армии было предотвращено. Но заговорщики сдаваться не собирались.

ТАЙНЫЕ КВАРТИРНИКИ

После «чистки» и реорганизации партиячки крамольники стали собираться на квартирах, вырабатывая новый план действий. Решили использовать волостной комитет бедноты. Созвали внеочередное собрание комбеда. Председательствовал озадаченный бедняк Смирнов. Буланов сам себя назначил его помощником. Бывший предисполкома раскрыл тайну, которую сам скрывал, будучи в должности: в исполкоме хранится 96 тысяч рублей, которые уездные власти хотят забрать себе. «Требуйте, чтобы их не сплывали в Царев, в отдел соцобеспечения. Эти деньги всецело принадлежат бедноте, а не совету, потому что вы хозяева советской власти и вам нужно всех выгнать из местного совета», — кричал с трибуны Силаев.

Смирнов достал из портфеля заранее заготовленный список 25 кандидатов в члены совета и предложил голосовать сразу всем списком. «А кто будет говорить против оглашенного списка, отправится в Царицынскую баржу!» — прозвучала угроза Буланова.

Беднота притихла, протестовали только коммунисты Воронин и Паршев. Смирнов подошел к каждому из них и повторил угрозу отправки на баржу. Ужасные истории об узниках чека, содержавшихся на баржах, стоявших на якорах на середине Волги, были у всех на слуху.

Мужчины не выдержали и толпой ринулись к выходу. Остались одни женщины. Заговорщики растерянно пожали плечами. Смирнов спрятал в портфель ненужный список. В тот же день последовала реакция партиячки. В волостном комитете партии было решено арестовать заговорщиков «за контрреволюцию». Исполнителем был назначен военком Чистяков. Но тот уговорил взволнованных товарищей не прибегать к арестам. Председатель волостной ЧК Сидоренко отправил протокол заседания партиячки своему уездному начальству. Там решили подвергнуть аресту семерых заговорщиков.

24 ноября их обвинили в заговоре против советской власти и в ее узурпации. Партиячка на собрании вновь проявила гуманность: признала законными аресты, но упростила чекистов не арестовывать старейших пришибинских борцов за революцию — Вологина и Буланова. Их взяли на поруки и поместили в категорию «сочувствующих». Остальных пятерых отправили в уездную чеку, откуда довольно скоро всех выпустили «на поруки».

НЕУДАЧНЫЙ АРЕСТ МАРТЕМЬЯНОВА

Сохранился доклад сотрудника уездной ЧК, руководившего арестом Владимира Мартемьянова. В пять утра 25 ноября чекисты подошли к его дому. Долго стучались в дверь. Спустя 10 минут из-за двери послышался вопрос Мартемьянова: «Кто?» На предложение садиться коммунист ответил категорическим отказом. Уговоры не помогли, дверь не отворилась. Через задний двор Мартемьянов перебежал в квартиру соседа — председателя комбеда Дмитрия Смирнова. Чекисты направились туда, но встретили решительный отпор хозяина.

«[Смирнов] сказал, что мы разрушаем работу и что лица, предназначенные к аресту, — самые честные коммунисты, а партия, которая в Пришибе, — это «мошенники» и

«грабители», — докладывал начальству руководитель группы.

Чекисты продолжили уговаривать Смирнова сдать Мартемьянова, но у того началась истерика. Чекисты устали с ним препираться, предупредили Смирнова о последствиях и ушли не солоно хлебавши.

ЗАГОВОРЩИКИ НЕ СДАЮТСЯ

Аресты не испугали пришибинских смутьянов. 26 ноября Буланов вновь собрал друзей на своей квартире: присутствовали Силаев, Вологин, Хренов, Мартемьянов, Трясушев, Дружинин и Дмитрий Соловьев. Была вызвана из исполкома секретарь-машинистка, 21-летняя девушка Матильда Иосифовна Чертокова. Девушка пришла с пишущей машинкой и под диктовку, не вникая в смысл, напечатала некий текст.

О тайном собрании узнали чекисты. Зачинщиков вновь вызвали на допрос. Показания допрошенных различны, память подводила. «Переверались», — констатировал следователь чека. Но ему удалось вырвать у Петра Буланова признание: заговорщики готовили обращение-жалобу в газету X Красной армии «Солдат революции» — «на тему нашего ареста».

Далее в материалах дела следует пробел. Как складывались события после последнего тайного собрания крамольников — неизвестно. Отголоски пришибинского инцидента мы находим в одном из февральских номеров газеты «Солдат революции» 1919 года. Репортер с горечью констатирует: «Октябрьская революция не коснулась глубоко Царевского уезда. Чувствуется, что в уезде живут еще как бы до перерыва [до Октябрьской революции]. Партийная жизнь и работа почти отсутствуют».

«Выяснилось, что два члена Царевского Чрезкома Желтухин и Кондрюшенко — контрреволюционеры и преступники. Благодаря им, контрреволюционеры разгуливали на свободе, а старые коммунисты арестовывались», — не о пришибинском ли конфликте идет речь в этом фрагменте? «Вторая уездная конференция коммунистов постановила арестовать весь состав уездного чека и выразить недоверие нескольким членам уездного исполкома», — говорится в заметке.

Как итог, корреспондент сообщает, что власть в Царевском уезде переходит Военному революционному комитету, вплоть до уездного съезда советов, который был назначен на 15 февраля. Далее в нашей истории вновь пробел — в июле 1919 года в Заволжье вступает 3-я кавалерийская дивизия генерала Мамонова, и фигуранты уголовного дела выпадают из поля зрения революционного полевого трибунала X армии.

Только 3 сентября 1919 года военный следователь вернулся к рассмотрению дела пришибинских мятежников. В списке их было уже восемь человек: Силаев, Смирнов, Буланов, Мартемьянов, Трясушев, Дружинин, Крылов и Бураков. «Принимая во внимание, что обвиняемые находятся в пределах, занимаемых ныне неприятельскими войсками, полагал бы настоятельное дело приостановить и сообщить особому отделу штаба X армии об установлении наблюдения за появлением означенных лиц в пределах Советской республики и об их приводе», — заключил следователь. Такое же постановление он вынес в ноябре 1919 года. Сразу же после занятия Заволжья и Царицына частями Красной армии — 5 марта 1920 года — все обвиняемые и разыскиваемые чекистами пришибинские смутьяны были амнистированы. Об их дальнейшей судьбе в материалах уголовного дела информации нет.

Вячеслав ЯЩЕНКО,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. ГАВО. Ф-Р. 141с. Оп. 1с. Д. 345. Л. 6-11, 15-18, 20, 23, 25

На снимке: Чекисты Царева уезда.
декабрь 1921 года.
Фото ГАВО

Что может связывать чеченское селение Аллерой и деревню Вшень в Чехии, расположенные друг от друга на расстоянии более трех тысяч километров? Можно ли с уверенностью сказать, что «человек — хозяин своей судьбы», если часто хозяевами судеб выступают обстоятельства?..

ИБРАГИМ ИЗ ЧЕШСКОЙ ДЕРЕВНИ ВШЕНЬ

Жизнь Хазимат Магамадовой, наверное, похожа на судьбы многих чеченских женщин. Ей едва исполнилось 15 лет, когда ее выдали замуж. В семье родилось двое мальчиков с небольшой разницей в возрасте. Жили в достатке, имели стадо баранов, нескольких коров и даже буйволов, которых использовали как тягловую силу. Хазимат была хорошей хозяйкой, позже по дому ей помогали подростки сыновья, и она молила Всевышнего, чтобы у нее родилась еще и девочка.

И был зимний день, когда она увидела, как по улице к их дому медленно шла телега, запряженная буйволами, а в ней, на ворохе соломы, лежал кто-то, с головой укрытый буркой. Уже когда Хазимат пришла в себя, ей сообщили, что ее мужа задрал медведь-шатун.

Как бы тяжело ни было на сердце молодой еще женщины, но большой грех («харам») предаваться унынию, особенно если ты в ответе за жизнь своих сыновей. Тем более после смерти мужа обязали сдать колхозу и всю скотину: стадо баранов, двух буйволов и трех коров национализировали. И наступили тяжелые времена.

Она всегда и всем говорила, что у нее три сына: два своих и один приемный. В те годы, когда ее дети недоедали, Хазимат приняла в семью русского мальчика.

Это произошло при следующих обстоятельствах. Хазимат навещала своих родственников, которые жили в Грозном, и среди детей, бегущих во дворе, заметила мальчугана, отличавшегося от других. Она спросила о нем, и оказалось, что некая семья бросила мальчика на вокзале и уехала неизвестно куда. Хазимат сказала хозяйке дома, что забрала бы русоголового мальчика к себе и заботилась бы о нем так же, как о своих родных детях. Слова ее слышал мальчик (он хорошо говорил на чеченском языке), который тут же подбежал к ней, стал на колени и обратился к ней на чеченском языке: «Я буду слушаться, буду хорошим и никогда не огорчу тебя. Забери меня к себе!»

Хазимат прижала ребенка к груди, и в тот же день мальчик был принят в семью. Обрадовались ему и двое других сыновей. Они стали близкими, были всегда дружны, а скудость пищи дети даже не замечали.

Пребывание в семье Магамадовых русского мальчика помогло остальным ее членам выучить русский язык. Хорошее знание этого языка пригодились бы и самой матери, и ее детям. Но, к сожалению, воспользоваться этим знанием не смогли двое из ее сыновей: старший родной и не менее родной для матери приемный. Мальчику было по 15 лет, когда их забрали в НКВД, и дальнейшая их судьба неизвестна. Оставшийся с матерью старший сын Ибрагим прилагал все усилия, чтобы найти своих братьев, но его попытки не увенчались успехом.

В 1939 году Ибрагим женился, и через год у супругов родилась дочь, Займан Магамадова. Рождение внучки было счастьем для Хазимат, лишившейся двух сыновей. К тому же, она так мечтала родить девочку, и теперь у нее есть внучка!

Началась война. В 1941 году Ибрагима забрали в трудовую армию для рытья окопов и заграждений. Помимо земляных работ, людей там обучали военному делу, чтобы потом отправить на фронт. Жили почти впроголодь, и пото-

му командиры поочередно отпускали домой тех, кто мог какие-то продукты привезти из дому. Отпуск был предоставлен и Ибрагиму. Большую часть времени он провел с дочкой и, возвращаясь на службу, просил у жены и матери заботиться о малышке. Последний раз Ибрагиму был предоставлен отпуск весной 1942 года. После этого его забрали в действующую армию и связь с ним прервалась.

В феврале 1944 года четырехлетняя Займан гостила у Хамбулатовых — родителей своей мамы. Они жили в том же селе Аллерой, но на другом его конце. А для Хазимат каждый день, проведенный без внучки, казался длинным и пасмурным. И вот приблизился день их возвращения домой...

Утром 23 февраля солдаты оцепления уже приступили к реализации плана «Чечевица» в селении Аллерой. Даже на месте сбора людей, куда согнали всех жителей села, Хазимат не позволили приблизиться к снохе и внучке. В ссылку их отправили разными этапами. Мать с дочерью были высланы в город Балхаш, а Хазимат Магамадову отправили на 400 километров дальше — в Караганду.

В детской памяти Займан остались слова бабушки, обращенные к своей снохе: «Зара! Береги девочку!»

И спустя 77 лет после этих событий голос любимой бабушки звучит в ушах Займан Ибрагимовны. Пока она жива, будет это помнить.

ХАЗИМАТ

Оказавшись на чужбине, разбросанные по разным городам Казахстана, члены семьи ни на минуту не переставали искать друг друга. Особенно преуспела в этом Хазимат. Она обращалась во все инстанции, писала письма руководству республики, и в 1946 году, когда ссыльные не имели права даже посещать соседнее село, приехала в Балхаш, забрала внучку и сноху к себе в Караганду.

Решив одну проблему, мать и сноха взялись за другую. Война окончилась год назад, а вестей от Ибрагима не было никаких. Они писали в разные ведомства страны, многие даже не отвечали, узнав, что к ним обращаются чеченки. Зная, что в СССР существует закон, по которому попавших в плен солдат сажают в тюрьмы сроком на десять лет, мать обращалась и к руководству мест лишения свободы, но не получала ответа.

Тогда сердце матери подсказало ей, что наряду с официальным способом надо применить и народный: по всем населенным пунктам Казахстана и Киргизии чеченцы из уст в уста передавали данные ее сына. На призыв откликнулись многие. Некоторые сообщения проверяли без выезда на место, в других случаях мать добивалась права на передвижение и сама ездил по указанным пунктам.

Однажды зимой Хазимат сообщили, что в некоем городе есть фронтовик-чеченец, без ног, работает сапожником и живет на то, что подают люди. Приехав на место, она выяснила, что уже нашлись те, кто знал семью калеки. Из этой семьи в живых не осталось никого, но односельчане забрали фронтовика к себе.

На обратном пути с Хазимат произошло чудо. Она возвращалась с пересадкой на станции Чу, где ей нужно было сесть на другой поезд. Это была большая узловая станция,

где жило много чеченцев. Уже перед самой остановкой поезда к Хазимат на чеченском языке обратился стоявший рядом мужчина, бывший фронтовик:

— Ты из какого села, сестра? Резко встав, выпрямившись во весь рост, ибо по чеченскому этикету не полагается проявлять небрежность в поведении, Хазимат ответила: — Я из селения Аллерой. — У нас на родине два Аллероя. Ты из какого?

— Я из Аллероя, что в Курчалоевском районе, — ответила Хазимат. (Второй Аллерой — в Ножай-Юртовском районе. — Примеч. «30 октября».)

— Тогда я полагаю, что ты мать Ибрагима. Он очень похож на тебя, — сказал мужчина.

— Где ты его видел? Когда это было?

— Мы служили вместе, это было в 1944 году, на территории Польши. В один из дней мы пошли в атаку, меня ранило, и я очнулся уже в госпитале спустя много дней. Что стало со всеми остальными и с Ибрагимом, я не знаю.

Теперь матери стало легче заниматься поисками, она знала, что сын без ранений дошел до границы с Польшей, и уже писала только в военные ведомства. А те, в свою очередь, так же безразлично отписывались, как и годами раньше.

Восстановление государственности репрессированных народов не изменило отношения к чеченцам со стороны чиновников разных служб. На последующие обращения матери в разные инстанции присылали одинаковые отписки, словно их писали под копирку.

Умерла Хазимат Магамадова в 1975 году, так ничего и не узнав о судьбе своих троих сыновей. В последние минуты ее жизни рядом была любимая внучка Займан. Она рассказывает, что за 15 минут до смерти бабушка открыла глаза и попросила впустить в дверь ее сына Али. Это приемный сын от русских родителей. Внучка сделала вид, что запустила Али в комнату, и сказала бабушке об этом.

ЗАРА

Жена Ибрагима, Хамбулатова Зара, родилась в том же селе Аллерой Курчалоевского района. Когда Ибрагим ушел в трудовую армию, помимо домашних работ, она и за личным хозяйством смотрела, и колхозные обязанности выполняла. У Зары со свекровью сложились добрые, теплые отношения, они дополняли друг друга.

Трудными были годы, когда они при высылке оказались в разных местах. Зара не столько переживала за себя, сколько за свекровь. Ей повезло, что она с дочкой поселилась рядом со своими родными мамой и отцом.

Спустя два года после высылки умер ее отец, но к этому времени их уже нашла мама Ибрагима. Обстановка и условия жизни в Караганде были хуже, чем в Балхаше. Здесь было много шахт, где работали люди, освобожденные из мест лишения свободы, и с ними часто возникали конфлик-

ты. Подумав над своим положением, женщины пришли к выводу, что им будет легче жить там, где поселились родители Зары, то есть в Балхаше. В 1950 году они переехали туда.

Зару приняли рабочей на железную дорогу. Она выполняла мужскую работу по укладке и ремонту путей. Но выбирать не приходилось, надо было как-то кормиться. Весь их коллектив состоял из женщин. Возвратившиеся с фронта мужчины в большинстве своем были инвалидами. Через некоторое время Зара перешла на медплавильный завод. Там оплата была несколько выше, но труд оставался все таким же тяжелым.

Чтобы как-то помочь семье, бабушка Хазимат добилась выделения земельного участка, где сажала просо, делала из него муку и продавала своим землякам.

Здесь в 1950 году, с опозданием на три года, Займан поступила в первый класс. Она училась хорошо, но после четвертого класса прекратила учебу. Чтобы учиться дальше, следовало поступить в другую школу, расположенную на расстоянии 5 километров. Ходить на такое расстояние пешком, да еще и по железнодорожному полотну, было нереально.

В те годы каждый едок был на учете, от работы каждого человека зависело благополучие семьи. Займан в свои 14 лет вынуждена была устроиться на работу. Ее приняли гардеробщицей на тот же завод, где работала мама.

Когда в 1957 году восстановили Чечено-Ингушскую республику, семья Магамадовых в числе первых чеченцев вернулась домой. Займан уже было 17 лет, у

Властиборж. Он подружился с чеченскими патриотами, при их поддержке сбежал из лагеря и возглавил отряд, воевавший в Желтовских лесах, близ города Турнова.

Весной 1945 года их отряд в стычке с немцами сумел отбить автомобиль. На этом автомобиле партизаны делали рейды, и друзья командира предлагали ему после победы над фашистами поехать на нем домой.

Партизанским отрядам немцы устраивали засады, с овчарками рыскали по горам, но поймать их не удавалось. Однажды, когда отряд пробирался по горам, обвалилась скала. Под камнепад попал командир отряда, ему сломало ногу. В полевых условиях рана была серьезной, и командира отнесли в село, к знакомой бабушке. Там ему наложили шину, и о том, что в доме скрывается партизан, никто не узнал.

Пока солдат поправлялся, наступил май 1945 года, и немцы из деревни ушли. В тот смутный период появилось много солдат-мародеров. Случилось так, что в гостинице села Вшень поселилось несколько таких солдат. Они забрали все ценное, что находилось в старинном костеле, построенном в XVI веке.

Полагая, что советский солдат сможет им помочь, жители попросили раненного командира партизанского отряда встретиться с мародерами и уговорить их не обирать людей. Тот, со своей сломанной ногой, кое-как доплелся до их гостиницы и поговорил с солдатами. Они отнеслись спокойно к его просьбе. Командир никакой подлости от своих собеседников не ожидал.

Спустя время, они с оружием в руках заявили к нему, вывели на

нее была мечта получить образование и достойную работу. Про это постоянно говорила и бабушка. Займан поступила в 5-й класс вечерней школы, а позже — в Грозненское педагогическое училище. В 1963 году вышла замуж за Рукмана Ирзаханова и переехала жить к нему. Рукман работал юристом в Дагестане.

Все годы после возвращения чеченцев на родину ни мать фронтовика Хазимат, ни жена Зара, ни дочь Займан не прекращали попыток найти сына, мужа, отца. Об Ибрагиме не забывали никогда.

ВШЕНЬ

Чехи помнят и чтят своих героев. Имена каждого погибшего записаны и всенародно известны. Этой работой занимаются государственные органы, а народу присуще чувство важности и ценности жизни каждого человека.

Чехи помнят и чтят не только своих героев, но и людей других национальностей, отдавших жизнь в борьбе за их свободу. В деревне Вшень на сельском кладбище с 1945 года находится могила советского солдата, погибшего при освобождении Чехии от фашистов.

Солдат тот был в плену у немцев, в лагере для военнопленных

площадь и убили. Это случилось между 15 и 20 числами мая 1945 года. Поступок солдат, которые и сами прошли тяжелые годы войны, трудно оправдать.

Местному жителю по фамилии Шпецников они приказали запрячь подводу, отвезти тело подальше в лес и там выбросить. Но жители села Вшень и соседних деревень очень уважали командира партизанского отряда. Он и его отряд не раз оказывали им помощь, а жители снабжали партизан продуктами и одеждой. Поэтому Шпецников на свой страх и риск решил поступить так, как считал правильным. Он долго плутал по лесу, с наступлением темноты вернулся в село, вырыл могилу у пригорка костела и похоронил солдата.

Старого чеха так потрясла гибель партизана, что он до утра находился у могилы. Обеспокоенная жена пошла его искать, она была уверена, что муж не выбросит тело, а захоронит на кладбище, и потому сразу направилась туда. До рассвета оба они не отходили от могилы. Пока Шпецников был жив, он ухаживал за могилой, после его смерти этим занимались его жена и другие жители деревни.

Все время помнил боевого товарища, заботился о могиле и наве-

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ 19-30 АВГУСТА 1991 ГОДА В ХАРЬКОВЕ

➤ Окончание. Начало на с. 1, 5

шал ее Франтишек Жидлицкий, с первых дней создания отряда ставший другом командира. Другья погибшего, и в первую очередь Франтишек Жидлицкий, добились того, что могилу признали памятником истории и поставили на учет в государственном реестре.

В Чехии за каждую могилу люди ежегодно вносят определенную сумму в казну муниципалитета. После того, как подвиги партизанского отряда были официально задокументированы, а могила командира внесена в реестр, она уже содержится за счет муниципалитета.

Сегодня никого из боевых товарищей командира партизанского отряда нет в живых. Франтишек Жидлицкий рассказывал о событиях тех лет своему внуку, Мартину Чудоба, чтобы тот заботился о могиле своего друга. Прошло много лет, внук давно вырос, сам имеет четырех детей. Но не было случая, чтобы на День Победы Мартин с сыновьями не навесил могилу солдата.

И боевые друзья, и местные жители, с которым он соприкасался, знали имя, фамилию советского солдата и откуда он был родом. Но они знали и то, что в СССР бывших военнопленных репрессируют. Боясь, что это же преследование может распространяться и на родственников солдата, не искали его родных.

Много позже, уже в годы перестройки, полагая, что в СССР наступили лучшие времена, местные органы и боевые товарищи, оставшиеся в живых, через газету «Руде право» занялись поиском родных партизана.

В Хасав Юрте, как и по всему СССР, многие граждане начинали свой день со знакомства с газетами. Не был исключением и Рукман Ирзаханов, муж Займан. Перелистывая страницы газеты «Грозненский рабочий», он наткнулся на статью о солдате, перепечатанную из чешской «Руде право».

Еще не дочитав ее до конца, он понял, о ком идет речь, и сказал жене:

— В этой газете написано о твоём отце.

После слов мужа Займан сразу подумала о бабушке. Сколько она проехала, проходила пешком километров, лишь слышав, что кто-то из бывших фронтовиков может знать о ее Ибрагиме.

ИБРАГИМ

Командиром партизанского отряда, защитником жителей села Вшень и ближайших деревень был не кто иной, как Ибрагим Магамадов, чеченец из Аллероя.

Чешская сторона пригласила Займан в Чехию. Ее радушно встретили, познакомили со всеми, кто знал и чтит память ее отца. Посетив могилу и увидев надгробный камень, Займан поняла, что ее отец придерживался ислама. Местное самоуправление за свои средства в короткий срок изготовило памятник на исламский манер и установило его на могиле.

Не будь бесчеловечных законов, приравнивающих пленных к преступникам, Хазимат могла бы гордиться, что ее сын не посрамил чести чеченца и погиб достойно.

Особо хочется подчеркнуть безразличие посольства СССР в Чехословакии к судьбам погибших солдат, какой бы они национальности ни были. Ведь информация о солдате была, ее печатали в самой главной газете страны, и не читать ее работники посольства не могли.

Муса АСХАБОВ,
Прага

На снимке: Могила Ибрагима Магамадова в деревне Вшень.
Глава местного самоуправления деревни Вшень господин Радек Витина слева и Муса Асхабов.
Фото Мусы Асхабова

нием мер, которые должны принять партийные органы в соответствии с директивами ГКЧП. Обкомы надо опечатать, чтобы документы не пропали. Я предлагаю заняться опечатыванием Сереже Владимирову и Саше Новикову, коллегам-депутатам.

Мялища сереет и уже больше не спорит. Уходит в здание обкома. Через некоторое время к нам присоединяется депутат облсовета Александр Приймак, которого включили в комиссию от облсовета, и невозмутимый капитан милиции Бондаренко (он, по-моему, ни разу за все два с половиной часа не изменился в лице). Мы впятером приступаем к этой процедуре. Я впервые в здании обкома. Ковровые дорожки, мрамор, чистота. Обходим все комнаты на всех этажах, опечатываем их. С нами была фотокорреспондент Нина Бежина, она без устали все фотографировала. Сотрудники обкома покидают здание. Заметно выросшая с утра толпа встречает каждого улюлюканьем и свистом. Наконец, выходим на улицу и опечатываем входную дверь. Я был самым высоким из всех, поэтому поднял бумажную ленту с печатью как можно выше и приклеил ее к двери. Толпа ревет от восторга. Шум неимоверный, крики, свист. Рядом Мялища, он с трудом запирает входную дверь большим ключом и вертит его в руках, как бы не зная, куда деть. Я выхватываю у него ключ из рук и говорю, что пусть он побудет у меня. Мялища протестует, я не отдаю. Толпа кричит. Тогда Мялища соглашается, но при условии, что я принесу ключ в понедельник к 8 утра. Я не возражаю, и Мялища под свист и крики ретируется.

Хорошо помню странное чувство, меня охватившее: вот у меня в руках ключ, которым не пользовались, наверно, с момента вселения обкома в здание после освобождения от немцев. Не хочется его отдавать в понедельник Мялище. Ко мне подошел худощавый седой красивый полковник, начальник управления охраны общественного порядка горотдела МВД. Фамилия его не помню, а звали его, кажется, Андрей Андреевич. «Слушай, — говорит, — а не мог бы ты с этим ключом исчезнуть, чтобы тебя никто не нашёл?» И милиция их не

навидит! Нина Бежина предлагает сфотографировать ключ от обкома. Потом это фото было во всех харьковских газетах.

Все воскресенье я думал, как бы не отдать этот ключ Мялище. Поздно вечером узнаю, что принято решение Президиума Верховной Рады о запрете компартии. Рано утром звоню Кушнареву домой, рассказываю об этом решении и предлагаю не отдавать ключ под этим предлогом. Он соглашается, обещает заехать к восьми к обкому. Заезжает, говорит Мялище о запрете КПУ, забирает у меня ключ. Далее обкомом, другими партийными зданиями и имуществом занималась ликвидационная комиссия.

На сессии единогласно принимаются все решения, почти все коммунисты голосуют «за», опустив головы и глядя в пол. Создаются комиссии по ликвидации партийных органов, по расследованию фактов исполнения незаконных приказов ГКЧП, площадь Дзержинского переименовывается в площадь Свободы, переименовываются улицы, станция метро... И только один раз коммунисты встрепенулись, подняли головы и проголосовали «против» — когда на голосование поставили предложение снять с площади Дзержинского памятник Ленину. Не хватило нескольких голосов — кажется, трех, —

и это решение сессии не прошло — единственное. Так этот памятник и стоит. Мирослав Маринович, впервые приехав в Харьков в ноябре 1993 года, сказал: «Как это символично: памятник душителям свободы на площади Свободы!»

В перерыве сессии Кушнарев просит меня возглавить комиссию по расследованию фактов исполнения незаконных приказов ГКЧП: «Вы же знаете наших «демократов», они сейчас столько глупостей наделают!» Я согласился войти в комиссию, но возглавить ее отказался. Предложил, чтобы ею руководил Александр Новиков. Кушнарев согласился. Сессия проголосовала, и в тот же день комиссия приступила к работе.

Там было много интересных деталей, но сейчас нет возможности об этом вспоминать. Скажу только, что я очень жестко возражал против того, чтобы комиссия рассматривала анонимные заявления, и мне удалось убедить коллег-депутатов. Я работал в этой комиссии в течение недели, мне пришлось опечатывать несколько партийных зданий, беседовать с партийными руководителями разного ранга. Нам удалось найти ту телеграмму от 18 августа и проследить, как ее выполняли. Чем дальше уходили эти указания от обкома, тем менее охотно партийные

работники их выполняли. Райкомы разрабатывали меры по поддержке ГКЧП, передавали их в парткомы заводов и учреждений, а на уровне первичных партийных организаций все уже тонуло и терялось. Словом, никакой поддержки ГКЧП не получил. Его действия были настолько противостественными, что были обречены на неудачу.

Неудавшийся путч оказался катализатором процесса распада СССР. Коммунистическое большинство в Верховной Раде сдалось и поддержало Акт о провозглашении Независимости Украины, усмотрев в этом меньшее зло, чем «экспорт революции» из России. Украина неожиданно стала независимой, будучи к этому во многом не готовой.

«Я часто думаю: могли ли мы добиться большего, действуя мы иначе? Я не знаю ответа на этот нелегкий вопрос. История не терпит сослазательного наклонения. Мне кажется, что украинское общество было не готово к тому, чтобы провести процесс декommунизации, отстранить от власти тех, кто участвовал в репрессиях против инакомыслящих, заменить номенклатуру. Не было критической массы людей, которые смогли бы все это осуществить, — общество было слишком ослаблено непрекращавшимися в течение 70 лет массовыми репрессиями. Не было взаимопонимания людей на Востоке и Западе. Недаром ведь 1 декабря украинский народ проголосовал за главного идеолога ЦК КПУ Леонида Кравчука (61,59%), а не за бывшего диссидента Вячеслава Чорновола (23,7%). Словом, на мой взгляд, быстрый старт, как в Польше, Чехии, Венгрии, был у нас невозможен. Увы, мы были обречены на те тяжелейшие десять лет, которые мы пережили после августа 1991 года, на то, чтобы медленно и тяжело переживать посттоталитарную депрессию, еще и отягощенную типично украинскими явлениями. Тем не менее, в эти годы бывали и светлые моменты, накапливались и позитивные изменения. Несмотря на все трудности и негатив, которых было в избытке, общий вектор изменений в стране, на мой взгляд, направлен к лучшему, и дальнейшие результаты будут зависеть в первую очередь от нас самих».

Так написал я в августе 2001 года и, по-моему, не ошибся.

Евгений ЗАХАРОВ,
Харьков

На снимке: Генрих Алтунян и Евгений Захаров — у дверей обкома 19 августа 1991 года.
Фото из архива Харьковского литературного музея

РЕГИОНЫ

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ ИЗ БЕЛАРУСИ

➤ Окончание. Начало на с. 8

милиции и пограничников повели пешком на восток. По пути этого 100-километрового маршрута обессиленных и отстающих узников пристреливали либо прикалывали штыками. Когда днем 26 июня этап начал втягиваться через мост на Западной Двине в деревню Николаево, то налетевший немецкий самолет обстрелял колонну. Конвойные приказали узникам лечь на землю, после чего расстреляли их из пулеметов, раненых прикончили штыками и из винтовок, уничтожив не менее 1700 узников. Расстрел наблюдали жители Николаево. Уцелели лишь около 100 узников, которых доставили в Витебск. 27 июня под контролем НКВД тела убитых узников Николаево колхозники собрали и захоронили в картофельной яме. В ГАВО я обнаружил оккупационную газету, сообщавшую об обнаружении в 1943 году между Полоцком и Витебском захоронения с 2000 тел. Оккупанты заставили тогда местных жителей перезахоронить жертв николаевского расстрела подальше от деревни.

Исполнитель расстрела начальник Глубокской тюрьмы Приемышев в начале июля 1941 года был арестован военным прокурором Витебского гарнизона, но затем по требованию первого секретаря Пономаренко был освобожден и скрылся. Осенью 1941 года за незаконный расстрел были осуждены военным трибуналом только 4 сотрудника Глубокской тюрьмы — двое были приговорены к расстрелу и двое — к 10 годам лишения свободы.

В начале 1990-х на месте захоронения жертв расстрела был оборудован скромный мемориал с нейтральной эпитафией, у которого ежегодно проводится памятный митинг. В 2017 году я присутствовал на таком митинге, беседовал с местными, в том числе с Розой Борисевич, которая в 13-летнем возрасте была свидетельницей расстрела, — эти данные включены в книгу.

Накануне захвата Витебска немецкими оккупантами были убиты 200 узников местной следственной тюрьмы НКВД. Здание тюрьмы было уничтожено.

В книге я посвятил целую главу тому, как нелегко прокладывать

трагические мосты из прошлого в наши дни, вспоминать трагические факты уничтожения «своих» своими. Тема репрессий и предвоенных расправ над своими в нашей стране остается непопулярной и замалчиваемой, каются в этом никто не спешит, и по-прежнему главной идеологической темой являются «наше славное прошлое», его героические достижения и почитание погибших военнослужащих.

Электронный вариант книги я выслал министру культуры и эксперту, кандидату наук по теме политических репрессий Игорю Кузнецову. Его отзыв был: «С интересом прочитал. Книга заслуживает высокой оценки».

Сейчас я собираю материал для следующей книги — о репрессированных железнодорожниках Витебщины. В этой теме есть своя специфика: в 1930-х железная дорога на территории области с крупными станциями Витебск, Орша и Полоцк входила в Западную железную дорогу, управление которой находилось в российском Смоленске. Это было причиной своеобразного юридического анклава: на пересеченных станциях на территории

БССР находились ОДТО НКВД России, сотрудники которых арестовывали железнодорожников (граждан БССР), проводили дела через тройки и суды в Смоленске, которые осуждали граждан БССР по ст. 58 УК РСФСР, и десятки их затем были расстреляны в Смоленске, а уголовные дела осели на хранении в Витебском УКГБ. В Витебске и Орше есть железнодорожные музеи, но там ничего не рассказывается о теме репрессий, которым были подвергнуты на Витебщине не менее тысячи железнодорожников.

Свои книги я набираю на компьютере сам, печатаю по 10 экземпляров за свой счет в коопцентрах и отдаю по 1 экземпляру в областную и городскую библиотеки Витебска. Там они оседают без регистрации в каталоге (как самиздат) и к читателям дороги почти не находят. Тема репрессий в Беларуси замалчивается как в СМИ и в учебниках, так и у провластных историков. Места расстрелов и захоронений скрываются и выдаются за могильники жертв немецких оккупантов.

Владимир ИВАНОВ,
Витебск

АВГУСТОВСКИЕ И СЕНТЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1921. 9 августа

Утвержден «Наказ СНК (Совета Народных Комиссаров. — Примеч. ред.) о проведении в жизнь начал новой экономической политики». Целью Новой экономической политики (НЭП) было введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений, восстановление народного хозяйства. НЭП был вынужденной мерой в связи с полной разрухой народного хозяйства в результате продразверстки и — во многом — импровизацией. Однако за 7 лет своего существования он стал самым удачным экономическим проектом советской власти.

1931. Февраль-август

Коллегия ОГПУ и другие внесудебные органы вынесли приговоры по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (т.н. «Академическое дело»). Это был ключевой акт в процессе подчинения государству Академии наук, претендовавшей до тех пор на определенную независимость. Были репрессированы 100 ученых и сотрудников АН СССР, пятеро из них казнены. Впервые в истории России 4 действительных члена Академии наук были исключены из нее и подвергнуты репрессиям.

1936. 19–24 августа

Военная коллегия Верховного суда СССР слушала дело «террористического троцкистско-зиновьевского центра». Подсудимые обвинялись в том, что, будучи якобы членами подпольной организации, они являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства. Бывший председатель Коминтерна Г.Зиновьев, бывший член политбюро ЦК ВКП(б) Л.Каменев и 14 других обвиняемых были приговорены к смертной казни и расстреляны. Это был первый процесс, на котором члены внутрипартийной оппозиции, ранее находившиеся в ссылках и политизоляторах, были приговорены к смертной казни. Процесс, в подготовке которого сыграл большую роль будущий нарком внутренних дел Ежов, открыл эпоху Большого террора.

1941. 28 августа

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Более 2 млн жителей Республики немцев Поволжья были переселены на Урал, в Сибирь и Казахстан и до 1955 года жили на положении ссыльных. Это была первая и самая крупная из этнических депортаций периода Великой Отечественной войны. В последующие месяцы депортация коснулась почти всего немецкого населения, проживавшего на территории Европейской части России и Закавказья. Переселение немцев производилось постепенно и завершилось к маю 1942 года. Всего в период войны было переселено до 950 тысяч немцев. 367 тысяч немцев были депортированы в республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь и на Алтай. На сборы им отводилось 2 дня.

31 августа

В Елабуге покончила жизнь самоубийством Марина Цветаева. Среди причин, побудивших ее к суициду, называются сложные отношения с сыном Георгием (Муром), невозможность писать, нищета и отсутствие перспектив.

В 1939 году Цветаева вернулась из эмиграции (1922-1939 гг.) в СССР вслед за мужем, бывшим белогвардейцем Сергеем Эфроном, и

дочерью Ариадной. В эмиграции Цветаева жила в нищете. В начале августа 1941 года Марина выехала в эвакуацию в Елабугу. 27 августа 1941 года была арестована ее дочь Ариадна, 10 октября — муж. 16 октября 1941 года Сергей Эфрон был расстрелян. Ариадна после 15 лет заключения и ссылки была реабилитирована в 1955 году.

1946. 14 августа

Вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Постановление касалось «идеологически вредных и в художественном отношении очень слабых произведений»: стихотворения Анны Ахматовой «Вроде монолога» и рассказа Михаила Зощенко «Приключения обезьяны». В результате Ахматова и Зощенко были исключены из Союза писателей СССР. В 1988 году постановление было признано ошибочным и отменено.

1956. Август-октябрь

В журнале «Новый мир» (№ 8-10) был опубликован роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Это роман об изобретателе, который во времена Сталина ведет тщетную борьбу с бюрократией, пока с ним самим не расправляются, прибегнув к клевете. Публикация вызвала мощный отклик, став одним из символов оттепели.

1961. 12–13 августа

За одну ночь по решению правительства СССР и ГДР в Берлине была воздвигнута стена, разделившая город. Недовольство руководства ГДР вызвала прежде всего невозможность контролировать потоки людей, перемещавшихся через границу на фоне конфликта между ФРГ и ГДР. В течение 28 лет Берлинская стена была символом «холодной войны» и раскола Европы на «лагерь социализма» и «лагерь капитализма».

1976. Август

В самиздате вышел первый выпуск исторического сборника «Память». Из редакционного предисловия: «Главные наши исторические тайны — особого рода. В эти тайны посвящены миллионы людей. Первоочередной своей задачей редакция ставит сбор исторических свидетельств и последующую публикацию их. Редакция считает своим долгом спасти от забвения все обреченные на гибель, на исчезновение исторические факты и имена, а также имена тех, кто казнил, шельмовал, доносил».

За 5 лет (1976-1981), до ареста главного редактора сборника Арсения Рогинского, было подготовлено 5 выпусков. Сборник издавался анонимно.

3 августа

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян капитан третьего ранга Валерий Саблин. 8-9 ноября 1975 года он захватил противолодочный корабль Балтийского флота «Сторожевой», объявил его «свободной территорией» и пригласил на борт корабля руководство страны на переговоры.

Корабль подвергся бомбардировке и был задержан в открытом море. К этому времени Саблин был арестован членами экипажа.

25 августа

В Дубне умер физик, поэт, публицист Самиздата Герцен Исаевич Копылов (псевдоним — Семен Телегин). Он был автором нонконформистских сатирических стихов: «Фольклорного» романа в стихах «Евгений Стромьинкин» (1949-1956), «Четырехмерной поэмы» (1964-1972) и других.

1991. 23 августа

Б.Н.Ельцин издал указ о приостановке деятельности КПСС, который положил конец правящей партии, но не только как правящей партии, но и как общественной организации.

1921. 1 сентября

Было опубликовано постановление петроградской ЧК о расстреле 61 члена так называемой Петроградской боевой организации (ПБО). Среди расстрелянных был поэт Николай Гумилев. Всего по обвинению в причастности к этой организации было репрессировано более 800 человек.

Согласно дополнительной проверке материалов уголовного дела ПБО, проведенной в 1992 году Прокуратурой РФ и Следственным управлением Министерства безопасности России, было установлено, что «ПБО, ставившей целью свержение советской власти, как таковой не существовало, она была создана искусственно следственными органами из отдельных групп спекулянтов и контрабандистов, занимавшихся перепродажей денег и ценностей за границей и переправкой людей, желавших эмигрировать из России, а уголовное дело в отношении участников организации, получившей свое название только в процессе расследования, было полностью сфальсифицировано». Все участники Петроградской боевой организации, за исключением лиц, в отношении которых отсутствуют решения следственных органов, были реабилитированы.

1931. 17 сентября

Приказом ОГПУ был организован Карагандинский ИТЛ (Карлаг). В 1930-1950-е годы он был основным сельскохозяйственным лагерем страны. Численность заключенных в Карлаге достигала 65 тысяч человек (в основном это были женщины). Карлаг расформирован в 1959 году.

Приказом ОГПУ организован Свирский ИТЛ (Свирлаг) с центром в Лодейном поле (Ленинградская область) для заготовки дров для Ленинграда. Численность заключенных в Свирлаге достигала 47 тысяч человек.

1936. 26 сентября

Николай Ежов назначен народным комиссаром внутренних дел СССР. Начался период «ежовщины», в ходе которой было расстреляно около 1 млн человек.

1941. 3 сентября

В Уфе родился Сергей Донатович Довлатов. Еще до эмиграции из СССР он стал известен как одна из центральных фигур неофициальной литературы Ленинграда. Среди знакомых Довлатова были лучшие поэты-диссиденты и писатели 1960-1970-х годов, с которыми он позже вновь встретился в эмиграции. Как многие журналисты, Довлатов мечтал стать писателем, но печатать его в СССР категорически отказывались, что и привело в итоге к практически вынужденной эмиграции.

В годы перестройки его произведения стали печататься на родине. Писатель сразу же получил оглушительную популярность.

Довлатов умер в Нью-Йорке в 1990 году. 3 сентября 2016 года в Санкт-Петербурге установлен первый памятник писателю.

7 сентября

Указом Президиума Верховного Совета СССР была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья. Территория упраздненной Республики была поделена между Саратовской и Сталинградской областями. Автономная Республика немцев Поволжья — единственная из ликвидированных Сталиным национальных автономий СССР, которая не была восстановлена даже в постсоветский период.

11 сентября

В Медведковском лесу под Орлом по личному указанию Сталина были расстреляны 157 политзаключенных Орловской тюрьмы. В их числе были старые революционеры Христиан Раковский и Мария Спиридонова.

29-30 сентября

Спецподразделениями СС и коллаборационистской полиции в овраге Бабий Яр на окраине Киева были расстреляны более 30 тысяч человек, главным образом евреев, позже — цыган, а также советских военнопленных.

1961. 7 сентября

Начальник кафедры Военной академии имени Фрунзе генерал-майор Петр Григоренко выступил на предсъездовской партийной конференции Ленинского района Москвы с требованием внести в устав КПСС пункты, дающие гарантии от нового культа личности, и с предложениями о демократизации внутрипартийной жизни. За это выступление Григоренко получил строгий партийный выговор и был переведен на службу на Дальний Восток.

1966. 16 сентября

Указом президиума Верховного Совета РСФСР в советское уголовное законодательство были введены статьи 190-1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), 190-2 («Надругательство над гербом и флагом»), 190-3 («Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»). В 1960-1980-е годы эти статьи широко использовались против инакомыслящих.

Осенью 1966 года группа правозащитников, в том числе А.Д.Сахаров, выпустила петицию против введения в УК этих статей.

1971. 11 сентября

В Москве умер Никита Сергеевич Хрущев, неоднозначный руководитель СССР с 1958-го по 1964 год. Период правления Хрущева часто называют «оттепелью»: были выпу-

щены на свободу заключенные, по сравнению с периодом правления Сталина активность репрессий значительно снизилась, уменьшилось влияние идеологической цензуры. Вместе с тем, с именем Хрущева связаны и организация самой жесткой в послевоенный период антирелигиозной кампании, и значительное усиление карательной психиатрии, и расстрел рабочих в Новочеркасске.

1976. Сентябрь

В Польше был создан независимый Комитет защиты рабочих (КОР), ставший одним из мозговых центров, подготавливших появление в 1980 году массового профсоюза «Солидарность».

КОР выступал с позиций демократического социализма, левого либерализма и католического солидаризма. Его активисты занимались правозащитной деятельностью в политической и социально-трудовой сферах, прежде всего — помощью преследуемым в ПНР забастовщикам и репрессированным диссидентам. КОР сыграл важную политическую роль как структура, соединившая интеллигентскую оппозиционность с массовыми рабочими протестами. Многие члены КОР стали ведущими активистами «Солидарности» и крупными политиками Третьей Речи Посполитой.

В швейцарском издательстве L'Age d'Homme вышла книга Александра Зиновьева «Зияющие высоты». Это основанная на дневниках автора политико-философская сатира на политическую и культурную жизнь в Советском Союзе при Сталине, Хрущеве и Брежневом с изложением фантастического будущего СССР. В том же году Зиновьев был лишен ученых степеней, званий и правительственных наград.

1981. 2-4 сентября

Во Владимирском областном суде слушалось дело правозащитника и публициста Анатолия Марченко. Это был его седьмой суд, который приговорил его к 10 годам колонии особого режима и 5 годам ссылки. Марченко умер в заключении в Чистопольской тюрьме через несколько дней после окончания длительной голодовки. Он добивался прекращения издевательств над политзаключенными в СССР и их освобождения.

Смерть Марченко имела широкий резонанс в диссидентской среде СССР и в зарубежной прессе. Его смерть и реакция на нее подтолкнули Михаила Горбачева начать процесс освобождения политзаключенных, хотя принципиальное решение об этом было принято еще до гибели Марченко.

1986. 28 сентября — 5 октября

Юрий Орлов — физик, правозащитник, руководитель Московской Хельсинкской группы, отбывавший ссылку в Якутии, — был доставлен в Москву, где ему объявили о лишении его советского гражданства и вывезли на самолете в Нью-Йорк. Орлов был освобожден в обмен на арестованного в США советского разведчика Геннадия Захарова, сотрудника представительства СССР в ООН.

1991. 2-5 сентября

Прошел V Съезд народных депутатов СССР, ставший последним. Съезд принял «Декларацию прав и свобод человека», объявив переходный период для формирования новой системы государственных отношений.

На снимках: Валерий Саблин. Мария Спиридонова.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@ccknot.info

В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельичева

Литературный редактор Ф.В.Шведовский

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 163 от 30.09.2021 г. (август-сентябрь 2021). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно